

Н. БЕРЕЗИНА

У МЕНЯ РАСТЕТ СЫН

Н. Березина

У МЕНЯ РАСТЕТ СЫН...

Издательство «Знание» Москва 1971

371.018
Б 48

6—4—1

Б. З. № 55—1970 г.—№ 15.

У нас дома есть большой альбом семейных фотографий. Раньше в нем были случайные фотографии. Но вот появился в семье малыш и, как во всей жизни, гегемоном утвердил себя и в этом альбоме. Вот Витя замер в коляске, прислушиваясь к шелесту листьев. Вот он делает первые шаги по земле один, без помощи мамы и папы. Вот, обхватив веник обеими руками, смешно подметает пол в комнате — первая проба сил и умения. А на этой фотографии, совсем серьезный, сидит он за столом, уткнувшись в книгу, постигая сложные и пока еще непонятные буквы...

Много чего есть в этом альбоме. И за каждой фотографией — кусок жизни маленького Вити. Мы, взрослые, смотрим, умиляясь, на его первые попытки сделать или понять что-то, улыбаемся его смешным вопросам. Витя кажется нам совсем маленьким. А между тем он уже растет, уже общается с окружающим миром, замечает, что люди бывают разными и поступки их тоже разные. И хотя мальчик действительно еще мал, в нем уже есть зачатки всех человеческих качеств — доброты, сердечности, отзывчивости. Мне хотелось бы ограничить этот список только хорошими качествами, но, к сожалению, его нужно пополнить и другими, не очень хорошими... И хотя мы часто не придаем серьезного значения этим качествам и проблемам, волнующим ребенка, для него они так же существенны, как для нас наши дела и проблемы. Потому что уже в самом раннем, дошкольном детстве формируется человек. Помните, как замечательно сказано у Л. Толстого о самых первых годах жизни человека: «Разве не тогда я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и одной сотой доли того?..»

Маленького ребенка воспитывают в детском саду, воспитывают кинофильмы, книги, телепередачи, знакомые и случайные прохожие. Но самым главным воспитателем малыша является семья, в современных условиях жизни часто даже одна мать. Отсюда, из семьи, понесет он в большую жизнь все свои положительные качества и пороки, свои взгляды на жизнь и убеждения. Именно потому у нас много пишут и дискутируют о том, как важно семейное воспитание ребен-

ка, особенно маленького. В этой книжке собраны статьи-очерки по некоторым проблемам, связанным с воспитанием в семье ребенка дошкольного возраста. Очерки посвящены разным вопросам нравственного воспитания ребенка, взаимоотношениям взрослого и малыша. В них неоднократно подчеркивается, как важно вовремя заметить появление в ребенке неблагоприятных качеств характера, как важна в воспитании каждая мелочь.

Конечно, книжка не пртендует на полное освещение всех сторон воспитания дошкольника. Это не педагогическое пособие, а только раздумья матери. Речь идет в основном об одном мальчике. Но таких мальчиков, таких детей миллионы. Они задают те же вопросы, что и мой Витя, их родители постоянно сталкиваются с теми же трудностями. И потому, мне кажется, многие родители найдут здесь ситуации, похожие на те, что бывают в их семьях, увидят те же вопросы, с которыми сами сталкиваются в своей повседневной воспитательной работе дома.

Детские руки

Вечер. Девять часов. На столе упрямо звонит будильник.

Витя давно приучен вставать и ложиться по будильнику. Вот и сейчас звонок напомнил ему о том, что пора спать.

— Мама, ну еще одну только минуточку, — просит сын.— Мне же надо все закончить, я не могу так идти спать.

В кухне беспорядок. На столе, рядом с раковиной, груда вымытых тарелок. С другой стороны к раковине пододвинут стул. А на стуле, подвязав передник, который достает ему до кончиков ботинок, стоит мой четырехлетний сын и деловито моет посуду.

— Видишь, мне совсем немножко осталось, — поясняет Витя. — Вот только еще одна тарелка и две ложки. На, мамочка, вытирай.

Моет Витя старательно — щеточкой, мылом, теплой водой. Под стулом лужа воды. Рукава рубашки мокрые до самого плеча, хотя он высоко засучил их. Даже волосы на голове мальчика совсем мокрые, будто он не посуду моет, а купается.

Зато сколько посуды перемыл! Витя с удовольствием смотрит на свою работу.

— Ну все, — наконец говорит он, передавая мне последнюю ложку. — Мама, я хорошо вымыл посуду?

— Да, Витя, молодец, — хвалю я мальчика. — Чисто вымыл. А теперь возьми тряпку и подотри пол. И рубашку надо снять...

Умывшись и переодевшись, Витя укладывается спать. Засыпает быстро: еще бы — поработал немало. Ведь перед тем как мыть посуду, Витя долго и старательно возился с грибами. Недавно мы научили сына пользоваться ножницами, и сегодня он целых двадцать минут разрезал длинную нитку сухих грибов и складывал грибы в банку. И еще мы с Витей пересадили цветок.

Много сделал мальчик. А сколько интересных дел предстоит ему завтра! Когда папа придет с работы, Витя пойдет с ним в магазин. Вечером они вместе будут чинить кухон-

ные табуретки. Витя поможет и мне: будет подавать овощи для приготовления ужина, и если мы с ним случайно насорим, возьмет веник и аккуратно подметет пол на кухне...

Как и все маленькие дети, Витя не любит спать. Ведь сон отключает его от разных интересных дел. Сколько радости приносит мальчику каждое выполненное поручение! Вот сейчас он слегка улыбается во сне. Может быть, ему снится еще какое-нибудь увлекательное дело, которому завтра научат его папа, мама или воспитательница в детском саду. Витя спит, широко раскинув на подушке руки. Вот так же он спал и в младенческом возрасте. Но как выросли его руки с тех пор! Тогда они были еще совсем беспомощные, не умели даже держать игрушку. А теперь они столько умеют!

Витю часто можно видеть работающим, и иногда соседка, зайдя к нам на минуту, говорит: «И что это он у тебя все время возится? Не слишком ли ты нагружаешь его? Он же еще совсем маленький...» Уйдет соседка, а я снова, в который уже раз, задумываюсь, правильно ли мы с мужем делаем, все время давая мальчику те или иные поручения. Он и правда мал. Но тут же гоню эти мысли: Витя трудится с таким удовольствием и интересом, что просто нельзя отнять у него эти дела.

А ведь еще совсем недавно он ничего не умел делать. Конечно, причина была в том, что мы, родители, не старались привлекать его к труду, не придавали этому серьезного значения.

Вспоминается один эпизод. Это было в прошлом году. Мальчика пришлось отправить в санаторий. До тех пор я почти ничего не заставляла его делать. Он всегда казался мне маленьким, беспомощным. И одеваться мы помогали ему, и умывали, и игрушки частенько сами убирали. О помощи по дому не могло быть и речи.

И вот он уехал. А месяца через полтора снова был дома.

Когда в день его приезда я стала накрывать стол к обеду, Витя подошел ко мне и удивленно спросил: «Мама, почему ты кладешь все на стол сама? Ведь я же сегодня дежурный». Потом он серьезно попросил сделать ему фартук. Я приспособила полотенце, и сын начал раскладывать столовые приборы, расставлять посуду. Отнес на стол хлебницу, не забыл взять солонку. А я стояла рядом и только диву давалась: не верилось, что наш сын уже такой самостоятельный.

После обеда Витя тщательно убрал все со стола. С тех пор он часто «дежурил». И с какой радостью! Причем готов был выполнять все более сложные поручения. Вот он осторожно понес к столу тарелку со вторым блюдом, вот поставил чашку с компотом. Не беда, что немного пролил по дороге — ни одно дело ведь не получается сразу. Во второй раз

уже не пролил ни капли, а затем всегда делал это очень аккуратно.

А ведь с тех пор, как я считала его маленьким, беспомощным, прошел лишь месяц с небольшим. Значит, дело не в том, что он вырос, а в том, что в санатории ему привили необходимые трудовые навыки.

К сожалению, еще многие родители, в особенности молодые матери, подчас стремятся сделать за ребенка абсолютно все. «Он еще слишком мал», — скажет одна мать. «Успеет наработаться», — подумает другая. Эти рассуждения в корне неправильны. Ребенок мал? Да, конечно, но это значит только то, что его надо нагружать посильной работой.

Наверняка есть много видов трудовой деятельности, доступных ребенку уже в три-четыре года. Прежде всего он должен учиться самообслуживанию: самостоятельно аккуратно одеваться, убирать за собой постель, содержать в порядке книжки и игрушки. Может выполнять и те поручения, о которых я уже рассказала: они вполне ему по силам.

Очевидно, трудовое воспитание малыша лучше всего начинать с игр.

Помню, когда Вите было года два с половиной, он начал интересоваться гвоздями и молотком. Взрослые частенько покрикивали на мальчика и отбирали инструменты. А когда однажды, воспользовавшись тем, что старшие увлечены передачей по телевизору, Витя забил добрый десяток гвоздей в полированный шкаф, наше терпение лопнуло. Как же попало бедному ребенку! А не грех было бы подумать, почему мальчик так сделал. Для него это было игрой, причем гораздо более интересной, чем возня с игрушками. Но, видимо, все приходит с годами, с опытом. Тогда нас хватило лишь на то, чтобы отругать Витю.

От игр, которые приносят малышу только удовольствие, следует постепенно переходить к более серьезным поручениям. Нужно, чтобы он начинал сознавать, что выполнил полезное дело, и непременно увидел результаты своего труда. Конечно, поручения, которые мы теперь даем Вите, требуют некоторых навыков и умений, но и взрослые должны постепенно прививать их ему. Ведь в санатории Витя не сам научился дежурить в столовой. Ему, вероятно, вначале показали, как полагается накрывать стол. Сегодня велели положить ложку, завтра — вилку, обязательно пояснив, что ею можно уколоться, а потому надо быть осторожным. И так дальше. Чем труднее поручение, тем более серьезные навыки требуются для его выполнения. И здесь успех целиком зависит от разума и терпения воспитателя.

Усложняя поручения, необходимо развивать у ребенка чувство ответственности. Сначала похвалите малыша за то, что он сам убрал игрушки. А завтра обратите его внимание

на то, как он это сделал. Что и говорить, почти всякий малыш сначала будет недоволен тем, что его просят подправить уже сделанное дело. Ничего, пусть недоволен. Я давно заметила, что, если убедительно разъяснить ребенку, с чем и почему он не справился, у него непременно возникнет желание сделать лучше. Хорошо выполненная работа приносит столько удовлетворения, а не оно ли — важнейший стимул для человека, любого возраста, в особенности для маленького ребенка?

С этого начинается и воспитание чувства ответственности. Не просто вымыл посуду, а проверь, как вымыл ее. Мало того, что сложил на стуле свое белье. Непременно посмотри, аккуратно ли. Что и говорить, человек, в детстве приученный оценивать выполненное им дело, совершенный поступок, пронесет через всю жизнь чувство ответственности за то, что делает.

А такие качества, как отзывчивость, внимание к старшим, заботливость? Разве их появление у ребенка не восходит к трудолюбию, воспитанному в семье с первых лет жизни? Обычно в семьях, где дети трудятся, во всем помогают родителям, они вырастают отзывчивыми, такими, о ком говорят: «хороший сын» или «хорошая дочь». Если ребенок трудится, он знает, что такое усталость, он умеет беречь время, умеет жалеть родителей, заботиться о них.

В связи с этим вспоминается такой случай. Мы с Витей возвращались домой из магазина. Я несла тяжелые сумки с продуктами. Устала, хотелось поскорее попасть домой, а идти было довольно далеко. Я поминутно останавливалась, чтобы поменять сумки в руках, а потом снова шла. Витя то и дело приседал около снежного холмика: непременно хотелось вскопать его новой лопаткой.

— Витенька, пойдем скорее, я так устала, — несколько раз сказала я сыну. — И сумки очень тяжелые...

Мальчик вдруг перестал копать и серьезно посмотрел на меня. Потом деловито убрал лопату за ремень, подпоясывавший пальто, и крепко ухватился за сумку с продуктами.

— Давай я один понесу ее, — попросил он.

— Что ты, что ты, милый, — улыбнулась я. — Давай вместе, так легче будет.

И мы бодрее зашагали по направлению к дому.

Пройдя метров двадцать, Витя вдруг на минуту остановился и, заглядывая мне в глаза, спросил:

— Ты теперь не устала, мама?

— Нет, ты же помог мне, — ответила я.

Витя задумался, а потом, видимо приняв твердое решение, сказал:

— Мамочка, ты теперь никогда не будешь уставать, ладно? Мы с тобой все будем вместе делать...

...Мы долго шли домой. Иногда Витя так сильно оттягивал сумку книзу, что мне становилось еще тяжелее нести, иногда он просто держался за нее. Но разве в этом дело? Сын гордо шагал рядом со мной, и глаза его сияли счастливой улыбкой: ведь он помогал маме.

С тех пор он почти никогда не забывает подойти ко мне или к отцу и предложить помощь, если видит, что мы несем что-то тяжелое. А если вдруг забудет, достаточно кивнуть головой в сторону сумки — и Витя бежит помочь.

Может быть, это пустяк? Думаю, нет. Ведь так воспитываются в человеке два необходимых качества: трудолюбие и отзывчивость. Ребенок заметил, что маме тяжело. У него возникло желание помочь, облегчить ее труд. Я глубоко убеждена в том, что мы, взрослые, должны постоянно привлекать детей к помощи по дому. Важно, чтобы ребенок понимал: родителям трудно, им надо помогать. И тогда почти наверняка он вырастет отзывчивым, внимательным человеком. Да и реже слышались бы жалобы родителей на то, что они всю душу и силы вложили в воспитание ребенка, а он вырос эгоистом.

Трудовое воспитание необходимо еще и потому, что безделье портит характер. Ленивому, праздному человеку трудно и скучно жить на земле. У ленивого и настроение всегда плохое, а у работающего настроение бодрое, ему интересно, весело жить.

Помню, как-то я была очень занята, а Витя капризничал и ничего не давал мне делать. Я и так, и эдак уговаривала его не мешать, но все напрасно. Хотела накричать на него, но в эту минуту раздался звонок в дверь. Это была моя мама, приехавшая проведать нас. Увидев, в каком мальчик настроении, она сказала ему:

— Витя, посмотри, что у меня в сумке.

Оттуда выглядывал большой клубок красивых шерстяных ниток и спицы с шариками на концах.

— Хочешь, я научу тебя вязать? — предложила бабушка. — Мы свяжем тебе носочки. Скоро зима, без них у тебя ножки замерзнут.

Витя все еще на что-то сердился, но бабушка, не обращая на это внимания, достала клубок, удобно села на диван, и одна за другой побежали на спицы ярко-зеленые петельки. Витя, сначала хмуро и неохотно следивший за руками бабушки, подошел ближе и стал с интересом наблюдать. Вот одна спица наполнилась петельками. Бабушка ловко перевернула ее, и снова в правой руке у нее оказалась пустая спица. И опять побежали, побежали петли...

Увидев, что мальчик заинтересовался, бабушка сказала:

— У меня есть еще один клубок, поменьше, как раз для тебя. Садись рядом, я покажу тебе, как вязать.

Мальчик взобрался на днван, взял клубок ниток и крючок и стал внимательно слушать.

Долго просидели бабушка и внук на диване. Смеялись, когда Витя не справлялся с петлей. Иногда непокорный крючок слегка укалывал его, но дело шло, клубок заметно убавлялся. Правда, пока что не получались из ниток красивые носочки, а нитки просто переметывались с клубка на крючок. Но настроение у сына явно исправнлось, он забыл о капризах.

Я искоса наблюдала за ним, и на душе у меня становилось спокойно и радостно: мама дала мне мудрый педагогический совет. Действительно, ребенок всегда должен быть занят делом, тогда у него будет хорошее, ровное, деловое настроение. Он капризничает потому, что ему скучно, он не знает, куда себя девать. Отвлечешь малыша, займешь делом — н плохого настроения как не бывало.

Трудовое воспитание маленького ребенка — важный процесс. Возникает множество существенных вопросов. Нельзя, например, перегружать малыша непосильными заданиями, но вместе с тем занятия должны все время усложняться и быть разнообразными, чтобы у ребенка не пропадал интерес к тому, что он делает. Надо помнить и о том, что назиданиями и нотациями не научишь ребенка труднться, а если и научишь, то у него на всю жизнь останется отрицательное отношение к трудовым обязанностям как к чему-то нежелательному, навязываемому силой. А как важна наша, роднтельская, терпеливость! Иногда попросишь малыша что-то сделать, он охотно возьмется, но дело подвигается медленно. Чаще всего уже через несколько минут отошлешь его нграть и доделаешь начатое нм сама. Это плохо. Разумная мать или отец наберутся терпения, подождут, пока малыш справится сам.

...Сладко спит Витя. Я стою у кроватки и разглядываю руки сына. Вспоминается смешной детский стишок, который я разучивала еще в первом классе: «Мы писали, рисовалн, наши пальчнки устали». Внтя еще не пишет, но сегодня и его пальцы устали. Маленькие, розовые, детские пальчики... «Когда я все делаю, я расту», — любнт повторять Витя. Да, малыш, ты растешь, и еще как быстро. А вместе с тобой растут н совершенствуются твон маленькие трудовые рукн.

«А я был хороший?»

Моему сыну скоро пять лет.

Каждый вечер, ложась спать, он обязательно подзывает меня:

— Мамочка, подойди сюда на минуту. Хочу у тебя что-то спросить.

Подхожу к кроватке, сажусь рядом.

— А я сегодня какой был? — спрашивает Витя. — Хороший? Я тебя слушался? И папу тоже?

Невольно улыбаюсь. Вот так всегда — не заснет, пока не скажешь ему, что он хороший мальчик. Если скажешь, что плохой, поднимет рев, но тут же начинает заверять, что завтра «весь-превесь день» будет самым хорошим.

Сегодня все было в порядке: он отлично вел себя, был послушным, ласковым. Я говорю Вите «спокойной ночи» и ухожу заниматься своими делами. Малыш сладко засыпает.

В комнате сразу становится тихо и спокойно, будто угомонились десять человек. Мы с мужем любим эти вечерние часы. Можно почитать, поговорить о Вите, о разных делах...

— Бессовестный! — раздается вдруг где-то совсем рядом. — Да как же тебе не стыдно? Ты посмотри на себя, где ты только так измазался?

Мы молча переглядываемся. Это наши соседи из смежной квартиры в тишине вечера тоже «беседуют» о прошедшем дне...

— Целую неделю жду твоей получки, а ты мне опять три рубля принес? — визгливо кричит Нина Петровна.

— Обойдешься! — грубо отвечает мужской голос. — Нельзя уж мне с товарищами посидеть...

— Вот оставлю тебя на весь месяц без еды, будешь тогда знать, — со злостью говорит Нина Петровна. — И как только не стыдно? Вон какой детина вымахал, а все на шее у матери сидишь...

— Молчи! — почти рявкает в ответ ее сын Анатолий.

Мать громко всхлипывает. Дверь сильно ударяется о нашу стену — с таким грохотом захлопывает ее Анатолий.

И так почти ежедневно. «Бедная Нина Петровна! — невольно думаю я. — Ничего не скажешь, вырастила счастье. Одна, муж погиб на фронте. Все вкладывала в своего Толеньку. И вот тебе, мать, получай спасибо за все».

Нина Петровна часто заходит к нам. И почти всегда со вздохом.

— Ой, что же мне делать? — снова и снова в отчаянии спрашивает она. — Опять Толька набезобразничал. Не помогает ни в чем, денег не дает. Злой стал, совсем чужой. Мне иногда кажется, что и не любит он меня вовсе. Не дай бог случись что со мной, наверно, только рад будет.

Если в эту минуту где-нибудь рядом играет мой Витя, Нина Петровна подойдет к нему, ласково погладит по голове и снова вздохнет.

— Смотри, Наташа, — скажет она. — И мой Анатолий был не хуже. Маленькие-то они все хорошие, а большие... Чего

я только для него ни делала! Что ж это он таким зверем вырос?

Мне делается страшно. Неужели мой Витя, ласковый, нежный, может так же отойти от меня, как отошел от матери Анатолий? Ведь он действительно живет здесь скорее как квартирант, нежели как сын. Обращается с матерью скверно, ему и впрямь нет до нее никакого дела. Спасибо, что не бьет еще. А не так давно совсем было мать из дому выгнал. «Уходи, — говорит, — мешаешь мне. Уезжай куда-нибудь». Что случилось с ним? Действительно, маленьким был мальчик как все, а теперь...

Кажется, в памяти не стерся ни один день детства. Будто только вчера бегал Толя по нашему двору с другими такими же малышами, играл в «прятки», гонял в футбол. Иногда соседи по двору, а потом и учителя жаловались на него за озорство, но ведь ребенку трудно вырасти не балуясь. Толя рос самым обыкновенным, ничем особенно не примечательным мальчиком. Нина Петровна редко жаловалась на него. Правда, я слышала, как моя мама иногда выговаривала ей: «Слишком уж ты, Нина, балуешь Толю. Смотри, хлебнешь с ним горя...» В ответ Нина Петровна лишь тяжело вздыхала. «Жалко ребенка, — говорила она. — Ну что я его наказывать буду? И так ему нелегко, без отца растет...» Не помню, что ей отвечала мама, но вот этот вечный вздох жалости к сыну помню до сих пор.

«...Маленькие они все хорошие» — эти слова часто можно слышать, особенно от пожилых женщин, уже вырастивших детей. Но мне хочется задать банальный вопрос: откуда же тогда берутся плохие взрослые? Плохо воспитываем? Не так воспитываем? Наверное, в этом большая доля правды, но мне не нравится и утверждение, что маленькие дети обязательно хорошие. Даже Витя, спрашивая меня по вечерам, каким он был днем, немножко сомневается, действительно ли он был хорошим. Я бы скорее сказала, что маленькие дети, совершая те или иные неблаговидные поступки, делают это скорее бессознательно, чем сознательно. Но это уже другая сторона вопроса.

Если мне говорят, что Витя хороший мальчик, я, как и всякая мать, расплываюсь в улыбке, такие отзывы о сыне доставляют мне истинное удовольствие. Если ругают его, я огорчаюсь. Хороший ли он в самом деле? Как большинство молодых матерей, я готова, не задумываясь, сказать: да, хороший, очень хороший. Но вот мне вспоминается один эпизод из более раннего детства сына.

Случилось это примерно год назад. Мы с Витей откуда-то возвращались домой. С большим трудом в тяжелой зимней одежде втиснулись в переполненный автобус. Я держала Витю на руках, потому что его могли затолкать.

На передних местах сидели пожилые люди или матери с грудными детьми. Однако, увидев нас, пассажиры зашевелились. Какая-то старушка попыталась даже встать и уступить место Вите. Но не успела я возразить, как на весь автобус раздался его звонкий голосок:

— Сейчас же уступите место ребенку!

На минуту в автобусе воцарилась тишина: настолько неожиданным и категоричным было требование. А я от стыда готова была сквозь землю провалиться. На следующей же остановке, несмотря на холодную погоду и часы «пик», я вместе с Витей пробкой выскочила из автобуса.

Вот вам и хороший мальчик, воспитанный...

Или другой пример.

Ночь, все спят. Вдруг сквозь сон слышу — Витя зовет меня. Не сразу соображаю, во сне это или наяву. Но тут снова отчетливо слышу Витину просьбу. Вскакиваю. Тревожная мысль: «Не болит ли у него что-нибудь?» Подхожу к кроватке.

— Ты что, Витенька?

— Попить хочу.

Приношу чашку с водой. Витя пьет. Потом поворачивается на бок. Я ласково укрываю его и шепчу:

— Спи, мой хороший, спи.

И в ответ слышу его бодрый, совсем не сонный и очень возмущенный голос:

— А почему это ты не подошла ко мне с первого раза? Я же позвал тебя...

Что делать? Ругать? Разъяснять? Сейчас ночь, не хочется «разгуливать» его. Снова укрываю сына и молча ухожу к себе. Завтра, наверное, поговорим. Но что сейчас делать с чувством острой горечи, внезапно подступившей к сердцу?..

А наши вечера? Когда я прихожу за ним в детский сад, Витя обычно играет или рисует. Окликаю: «Витенька!» Улыбка озаряет его лицо. На ходу попрощавшись с воспитательницей, он стремительно выскакивает в коридор и тут же выпаливает:

— Ну что ты принесла мне?

Без всякого «здравствуй, мама», даже без ответного поцелуя. Прежде всего — «Что принесла?». Если ничего не принесла, сын начинает злиться, а то и плакать.

— Ты лучше спроси маму, что она себе купила, — скажет ему в таких случаях отец, если мы пришли за Витей вместе.

Мальчик мгновенно перестает реветь и растерянно хлопает глазами. Оказывается, существуют и такие вопросы...

— И поцелуй маму, — добавит муж. — Ты же не видел ее целый день.

Витя тут же с готовностью целует меня. В глазах еще растерянность: его персону отставили на второй план!

Если же я купила ему что-то, Витя обязательно скажет:

— Мамочка, я тебя люблю, потому что ты все мне покупаешь.

Отрадно, что он признателен за подарок, но слова эти тем не менее обидны. А если бы ничего не покупала, тогда и не любил бы?

А хорош ли был маленький Витя в таком эпизоде?

На окне у нас цветут красивые разнообразные фиалки. Однажды подхожу полить их — вижу, несколько лепестков оборвано. Сами опали? Может быть. На следующий день еще несколько лепестков лежало на подоконнике. «Ах, как жаль!» — говорю я. И замечаю, что Витя чему-то хитро улыбается. Спрашиваю: «Это ты сделал?» Мальчик сразу признается. Отругали его, объяснили, что, помимо всех прочих зол, обрывать фиалки в полном цвету жестоко: им больно. Витя обещал больше не делать этого.

На следующий день — полное блюдце оборванных лепестков. «Что же ты наделал?» — расстроившись, спрашиваю мальчика. «Ничего, — спокойно отвечает он. — Ты же сказала, что им больно будет, вот я и хотел посмотреть, как они плачут. Рву и рву, а они все не плачут. Если б заплакали, я бы сразу перестал обрывать».

Хочу надеяться, что у Вити все эти отрицательные качества не так уж прочны. Но ведь они могут и укрепиться, войти в привычку годам к семи, да в такую, что потом никакими силами ее не искоренишь.

Так что можно бесконечно спорить о том, все ли маленькие дети хорошие. С другой стороны, по-моему, совсем не обязательно, чтобы хорошие дети превращались в плохих взрослых. Дело, наверное, здесь в другом. Мы, родители, подчас не понимаем всей важности проблемы воспитания ребенка. На первом плане у нас забота о его здоровье, о материальном благополучии, даже об образовании, а вот вопросами воспитания его души подчас не занимаемся.

Так случилось и в семье Нины Петровны. Сколько помню Анатолия подростком, юношей, он всегда был далек от матери. Часто приходил к нам со своими трудностями. Бывало, скажешь ему: «Ты бы с мамой поговорил». А он только махнет рукой: «Ей некогда, у нее своих дел полно». Да и совсем маленьким он больше тянулся к ребятам во дворе, чем к матери. Может быть, нельзя и осуждать Нину Петровну: одной ведь тяжело растить ребенка, особенно сына. Но, мне кажется, в подобной ситуации вопросы воспитания должны быть особенно заострены. Ведь так легко потерять духовную близость с сыном, превратить для него дом лишь в спально — столовую, а себя самое, мать, в поставщика средств существования.

Многие пытаются воспитывать своих детей так, как вос-

питывали когда-то их самих. Это, наверное, вполне закономерно. Для любого начинающего родителя, начинающего педагога первый советчик — память, которая хранит в своих кладовых много примеров того, как воспитывали тебя мать, отец, педагог детского сада, первый учитель. Мне, конечно, могут возразить: мол, все устаревает, и жизнь должна идти вперед. Это не всегда верно. Нередко в трудных проблемах лучше кого бы то ни было могут помочь именно родители или учителя, которые вырастили тебя, помогли стать на ноги, найти свое место в обществе.

Я росла в многодетной семье. Все в нашей жизни было трудно. Но ребята выросли неплохо воспитанными, образованными. Наверняка мне скажут: «Вот благодаря этим трудностям и получилось так хорошо». А разве не бывает так, что трудная жизнь, наоборот, приводит к тому, что ребенок вырастает плохим, вором, бандитом?

Воспоминания детства обильны, богаты. Я могла бы рассказать, как в нашей семье поистине всегда было и есть — один за всех и за все за одного. Но и это качество пришло не только оттого, что нас было много и мы чувствовали какую-то ответственность друг за друга. Есть у нас, например, знакомая семья, тоже большая, где, наоборот, жизненные неурядицы выработали в каждом члене семьи стремление позаботиться прежде всего о себе, вырваться из этой общей жизни, в которой все слишком тернисто, зажить самому лучше. Большая семья не обязательно дружная. С другой стороны, единственный ребенок в семье тоже не обязательно вырастает себялюбцем. Дело не в количестве детей и не в трудностях жизни. Дело в воспитании — этом величайшем факторе формирования у человека тех или иных моральных качеств.

Вспоминаю, все мы рано становились самостоятельными в работе по дому, потом в учении, в своем мышлении. Родители не допекали нас мелочными заботами и в то же время не отгораживались разными «некогда» от наших дум и забот. Вероятно, в этом и заключалась их главная мудрость как воспитателей.

Может быть, я не объективна по отношению к своим родителям, но, пытаясь анализировать те или иные моменты нашего детства, могу сказать, что мои родители были хорошими, чуткими воспитателями.

По-видимому, средств воспитательной науки существует много — простых и сложных, трудных и легких. И одно из них, конечно, — пример взрослых, окружающая ребенка среда. Огромна в воспитании роль живых примеров, которые ребенок постоянно видит в жизни.

Разве редки случаи, когда сын, постоянно видя, как отец, например, груб с матерью, эгоистичен, невольно ему подра-

жает? И наоборот, ласковый тон взаимной заботы, преобладающий в семье, обязательно скажется на самовоспитании ребенка.

Как-то я шла по улице. Навстречу мне шел мужчина, а в нескольких шагах за ним плелся пятилетний мальчик. Лицо у него было недовольное, он все больше и больше отставал.

— Хватит идти-и! — ныл он. — У-стал-ал...

— Не валяй дурака, — отвечал отец. — Совсем немного осталось, дома отдохнешь.

Мальчик остановился и злобно выпалил на всю улицу:

— Противный! Эгоист ты! Все только о себе и думаешь...

И вдруг, как в капле воды, в словах капризного мальчика открылась вся жизнь семьи: склоки, ссоры, взаимные оскорбления, которые видит и слышит ребенок. Сам он не смог бы дойти до таких мыслей и слов.

Да, мы порой позволяем себе какие-то промахи, которые ребенок тотчас же, словно губка, впитывает в себя. Но он внимателен и к хорошему, что видит в семье.

Конечно, иногда в силу незрелости ума ребенок может совершенно иначе понять хороший пример или хорошие слова, которые слышал от взрослых. В подтверждение возьму хотя бы приведенный мною выше эпизод, когда сын потребовал, чтобы ему в автобусе уступили место.

Я часто вспоминаю этот случай. Дома ни от меня, ни от отца сын не мог слышать подобных слов. Сам тоже вряд ли мог прийти к выводу о том, что ему должны уступать место, потому что он маленький. Думаю, он просто повторил не раз слышанную и по сути правильную фразу: «Уступите место маленькому». Как, однако, исказились эти слова, когда зазвучали в устах ребенка! К каждой своей фразе, к каждому поступку мы, взрослые, должны быть предельно внимательными. Известно: дурной пример заразителен. Но здесь хорошие слова, не разъясненные ребенку, возымели обратное действие.

Как же сделать, чтобы ребенок был хорошим? Как воспитать его честным, отзывчивым? Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, конечно, трудно. Ведь воспитывает человека все: природа, люди, улица, школа. Воспитывают поступки. Воспитывают вещи. Ибо, как, правильно говорят, воспитание в широком смысле — это воздействие на формирование и развитие психики человека всей окружающей обстановки, происходящих событий, всего общественного строя. Об этом нельзя забывать, когда мы говорим о воспитании в более узком смысле слова, то есть о воспитании дома, в детском саду, в школе, о воздействии на психику и душу человека, которое оказывают близкие этому человеку люди — родные и педагоги.

Нельзя рассматривать воспитание как некий ряд мероприятий. Воспитание, хотим мы того или нет, — процесс непрерывный, и наша задача состоит в том, чтобы этот процесс направить в нужное русло, умело и тонко воздействовать на душу малыша.

Но и этого недостаточно. Надо научить ребенка противостоять отрицательным факторам, с которыми он может столкнуться, едва выйдет из дому на улицу. Бывает и так: живя в семье, ребенок хорошо воспитывается, он добрый, отзывчивый, заботливый. Но по мере роста вдруг начинает отдаляться от семьи, от ее благотворного влияния. Мне кажется, корень зла здесь и в том, что еще в детском возрасте не привита способность противостоять злу. Влияние улицы оказалось сильнее влияния матери. Наверное, нужно развивать в ребенке способность взвешивать, критически оценивать разные явления жизни, поступки собственные и чужие.

Глубоко убеждена — заниматься нравственным воспитанием надо с самого раннего детства, с той минуты, как ребенок начинает осознавать окружающую жизнь. У маленького человека очень велика тяга к добру, вот это-то драгоценное качество и нужно использовать для того, чтобы вся дальнейшая воспитательная работа была успешной. Ведь когда ребенок, ложась спать, спрашивает, хорошим ли он был днем, — это серьезный вопрос. Малыш хочет, непременно хочет быть хорошим, и наша обязанность помочь ему в этом.

Билет на дальний поезд

— Возьмите меня с собой! — попросил пятилетний Витя свою тетю Таню и ее приятельницу. — Я же знаю, у вас есть билеты в кино. Я тоже хочу в кино.

Подруги, пошушукавшись, стали уверять мальчика, что никаких билетов в кино у них нет и что Таня просто идет проводить Эллу домой.

— Ты же знаешь, как далеко от нас до метро, —сказала Таня для пущей убедительности. — Элла может сбиться с дороги. Неужели мы пустим ее одну?

Витя на минуту замолчал, будто обдумывая, можно ли в самом деле так поступить. А Таня и Элла, воспользовавшись его замешательством, быстро захлопнули за собой дверь.

— Ушли! — вдруг спохватился Витя. — Наврали! Все мне наврали!

И расплакался.

Что было делать? Да то, что обычно делается в таких случаях.

— Тебе нельзя ходить на вечерние сеансы в кино, — сказала я сыну. — Перестань реветь. Ты еще слишком маленький, а они взрослые...

— Ну и что же, — возмущался Витя, — а врать-то они все равно не должны. Я вот тоже всем вам буду врать!

Остаток вечера прошел очень хмуро. Таня и Элла, видимо, наслаждались кинокартиной, а мальчик ходил расстроенный. Он нервничал и ничего не хотел делать. Ни телевизор, ни интересная книжка не могли отвлечь его.

Но пожалуй, еще больше, чем Витю, взволновала эта история меня. И даже не то, что девочки так поступили. Они слишком молоды, до проблем материнства и воспитания детей им еще далеко. Меня больше беспокоили мысли о Вите. Я долго не могла уснуть в ту ночь, и воспоминания собственного детства растревожили душу.

Помню, я была еще маленькой девочкой, года на три старше, чем Витя теперь. Однажды мы с тетей пошли в гости. Там было очень приятно и тепло. Когда мы собрались уходить, хозяйка усиленно приглашала тетю заходить еще и еще. «Спасибо, конечно, обязательно придем!» — к моему удовольствию, повторяла тетя.

— А когда мы опять сюда придем? — спросила я, едва мы вышли за порог.

— Никогда! — почему-то резко ответила тетя.

Это настолько удивило меня, что я остановилась среди улицы.

— Так ведь ты обещала! Разве можно обманывать?

— Ты еще слишком мала, — горько сказала тетя, — и совсем не понимаешь язык взрослых. Мало ли что мы говорим и обещаем друг другу!..

— А зачем же врать? — с обидой спросила я.

Не помню, что ответила тетя, но вспоминаю, как потряс мое детское воображение этот невинный эпизод. Прошло много лет, но не забывается чувство разочарования и недоверия, внезапно родившееся во мне.

Можно подумать, что между этой историей и билетами в кино нет ничего общего: там лгут ребенку, здесь взрослые лгут друг другу. Но результат разве не один и тот же — ребенка приобщают к страшному миру лжи.

Я смотрю в чистые, ясные глаза своего маленького сына, и мне делается страшно при одной мысли о том, что когда-нибудь он сможет мне лгать. Для меня это значило бы полную потерю душевного контакта с сыном. А что может быть страшнее для родителей, для матери? Какой бы интересной и содержательной ни была тогда жизнь, самого основного в ней не будет.

К сожалению, таких семей много.

Я часто задумываюсь о жизни одной своей подруги. Теперь она уже взрослая, у нее своя семья. На моих глазах прошли ее детство, юность, да и сейчас мы часто встречаемся. Бывало, собираются девочки в кино — Галя не идет, мама не разрешает: «Дома найдутся дела поважнее». Мы на каток — Галя опять не может. Потом она стала чаще появляться с нами, подругами. «Как тебе удалось вырваться из дому?» — спросила я однажды. «Да вот сказала, что иду в библиотеку», — объяснила она.

Лиха беда начало. С тех пор это стало часто повторяться. «В школу», «на собрание», «рисовать для стенной газеты», — говорила Галя, когда ей нужно было сделать что-то такое, что в глазах ее матери выглядело нестоящим или ненужным.

Чем старше она становилась, тем больше заходила в дебри лжи. А потом и вовсе плохо стало: Галя начала встречаться с молодым человеком, который не нравился родителям. Как хорошо, когда в таких случаях родители оказываются тактичными и тонкими людьми, а не просто деспотами-самодурами! К сожалению, в жизни Гали все сложилось иначе. Отец с матерью, сначала просто отчитывавшие дочь за «дурной вкус», за непослушание и прочие грехи, в конце концов стали буквально изводить ее сценами и скандалами. Чтобы продолжать встречаться с юношей, Галя хитрила все искуснее. Заподозрив неладное, мать говорила: «Ты изолгалась, ни слова правды!» И если та осмеливалась кинуть в лицо матери упрек, что виновата в этом она сама, начиналась бурная сцена.

Вот так из страха перед родительским осуждением и бестактностью дочь стала лгать на каждом шагу, и привело это в конце концов к полной потере душевной близости между дочерью и родителями.

Если бы я пыталась анализировать, почему дети, по природе своей чистые, искренние, часто вырастают лгунами, то я прежде всего назвала бы главную причину: мы, взрослые, виноваты в этом. Ребенок видит, как лгут друг другу старшие, и не остается равнодушным. Сначала он возмущается, потом, под влиянием тех или иных обстоятельств, начинает лгать сам. Ребенок лжет из страха, как в только что рассказанной истории. Ребенку лгут взрослые, потому что он мал и не сможет понять какие-то жизненные сложности. Чувствуя, как лгут ему, малыш рано или поздно тоже начнет лгать в ответ.

А бывает, что взрослые сами учат ребенка лгать. Не нарочно, а невзначай, вроде бы исходя из лучших побуждений.

Ярко помню одну сценку, которую прошлым летом мне пришлось наблюдать в поезде. Стоял конец августа — время, когда железные дороги перегружены. Билет на поезд достать

было трудно, и, вероятно оттого, что в поездах появилось много «зайцев», контролеры усилили проверку.

В одном купе со мной, на соседней полке, расположилась молодая женщина с девочкой лет пяти. Девчушка была забавная, без умолку задавала вопросы, и мать охотно отвечала ей. Чувствовалось, что она добрый человек и вкладывает всю душу в воспитание дочери.

Послышался шум, громкие голоса. В другом конце вагона кто-то из пассажиров не взял билета ребенку семи лет. Контролеры настаивали на том, чтобы пассажир платил штраф, а тот в ответ яростно оборонялся.

— Мамочка, почему они так кричат? — забеспокоилась моя маленькая соседка.

— Да вот... мальчику билет не взяли, — объяснила мать.. — Слушай, Ларочка, если дядя контролер спросит, сколько тебе лет, скажи четыре.

— Почему? — огорчилась девочка. — Мне ведь уже исполнилось пять. Я не хочу, чтобы снова было четыре...

— Чудачка! Оттого, что ты скажешь так, тебе ведь не станет четыре. А вот если дядя контролер узнает, что тебе пять и детского билета у нас нет, тебя высадят из вагона.

Девочка грустно и растерянно смотрела на мать.

— А вот и нет, вот и нет! — обрадовалась она вдруг. — Дяденьки сразу увидят, что у меня зубиков нет. А зубки в четыре года не выпадают, вот!

У нее и впрямь зияла большая дырка вместо двух передних зубов, и не далее как десять минут назад она, указывая на это пустое место, хвастала передо мной своей «взрослостью».

— Не будь дурой! — вдруг резко сказала мать. — Вон уже контролеры идут. Так тебе четыре года, поняла?

Контролеры и в самом деле уже подходили к нам. Лара забилась в угол и угрюмо отвернулась к окну. Одной рукой она держалась за губы, чтобы они случайно не раскрылись и не выдали ее тайны.

К счастью, никто не спросил, сколько ей лет, и уже через несколько минут мать весело выкладывала из сумок дорожную еду, совершенно забыв о своем разговоре с дочерью.

А Лара не забыла. Грустно смотрела она в окно, не по-детски серьезно думая о чем-то своем...

Хорошо, если Ларочкина мама вовремя спохватится и никогда не повторит подобных ошибок. Ведь достаточно нескольких подобных эпизодов или таких «уроков лжи», который был преподан моему сыну, чтобы отравить сознание ребенка. Нельзя лгать в присутствии ребенка, а тем более ему непосредственно. Ребенок хочет, жаждет быть честным, и наш долг всячески ему в этом помочь.

Чей дом выше?

У прилавка магазина игрушек пятилетний мальчик с упоением разглядывает все, что выставлено на полках. Глаза разбегаются. А мама, видимо, торопится.

— Давай купим эту машину, — предлагает она, — или игру «Баскетбол».

Ребенок отказывается. Со стороны можно подумать, что он упрямый и избалованный, давно пресытившийся игрушками мальчик. Но стоит заглянуть ему в глаза — и это ощущение пропадает: в глазах не скука, а нетерпение. Он снова и снова, в который раз, взглядом пробегает все игрушки. И вдруг радостный возглас:

— Мамочка, нашел! Посмотри, вон тот меч! Большой, красный! А ножны какие! Я знаю, у Александра Невского был точно такой же. Помнишь?

Мать улыбается. Конечно, помнит. И помнит, сколько вечеров просидели они с сыном: она, рассказывая о разных историях и знаменитых полководцах, он, слушая и расспрашивая.

— Мама, — радостно продолжает мальчик, — завтра приду с этим мечом в детский сад. Все ребята прямо ахнут! А уж Веревочке теперь от меня достанется...

— За что? — удивляется мама.

— А чтобы не хвалился, что он самый старший.

— Он тебя обижает?

Мальчик колеблется, словно вспоминая. И вдруг на глазах слезы:

— Да, обижает. Он все лучше меня делает. И хвастается... Оля сначала со мной водилась, а теперь с ним. И все смеются, что я слабенький да маленький. Вот я покажу им этим мечом, какой я слабенький. Выйду вечером погулять и так изобью его, что будет знать.

...У меня (а ведь это я с сыном Витей покупаю игрушки) по спине мурашки пробежали. Как же должен был страдать этот маленький Аника-воин, чтобы так тщательно обдумать план действий! План мести! И только за то, что этот самый Веревочка выше ростом, лучше рисует и в чем-то еще его превосходит. Избить? Это в пятилетнем-то возрасте? А что будет через десяток лет?

Еще минуту назад я вместе с Витей радовалась большому мечу, красивой игрушке. И мне понравилось, что мальчик просит не мяч или шарик, а меч, что-то истинно мужское. Пусть, думаю, растет настоящим мужчиной, сильным и бесстрашным.

И вдруг такой поворот...

Наверное, мне не надо было покупать этот меч. Обма-

нуть сына, сказать, что не хватает денег. И вообще уйти поскорее из магазина. Или честно объяснить Вите, что, раз уж он такой злой и нехороший, я не куплю ему ничего. Поплачет-поплачет и поймет, что нельзя говорить так. А когда исправится, купить ему меч...

Нет, не в мече дело. Главное в том, что у Вити зародилось желание отомстить. И всего лишь за то, что другой мальчик старше и больше умеет. То есть, попросту говоря, отомстить из зависти...

Я смотрю на крепкие ладони сына, с гордостью сжимающие клинок пластмассового меча, в его счастливые глаза. Украдкой Витя поглядывает на прохожих. Поймает чей-нибудь теплый взгляд и расплывается в улыбке. Я давно заметила, что он любит привлекать к себе внимание. И вообще любит быть лучше всех.

Вспоминаю его трехлетним. Мальчик живет в санатории. Два месяца, день в день, в одном и том же коллективе. «Он у вас любит всех позади оставить, — не раз говорит воспитательница. — А по утрам, знаете, что делает?..» И она рассказала, что Витя, с рождения привыкший просыпаться рано, и в санатории просыпался чуть свет. Откроет глаза, посмотрит, здесь ли няня. Пока та в комнате, притворяется спящим. Стоит няне выйти, он быстро схватит свою одежду под одеяло, оденется и притаится, пока не велят всем вставать. А там — раз, раз, заправит постель, и вот уже Витя первый в шеренге. Иногда полчаса стоит один. Но ничего, лишь бы первый. Значит, лучше всех...

Или другой эпизод, год спустя. Мы переехали в новый дом и поселились на верхнем этаже. Витя искренне считает, что наш дом самый высокий на свете. И вдруг, словно гриб в лесу, стал напротив расти еще более высокий дом. Сначала Витя со страхом подсчитывал этажи, надеясь, что хоть на один этаж тот дом окажется ниже нашего. И когда оказалось, что новый дом «перерос» наш, мальчик потерял покой. «Я сломаю, сломаю его!» — не раз со злостью повторял Витя.

Вспоминаю и другие подобные эпизоды... Неужели сын растет завистником? Ведь зависть — одно из страшных качеств человеческой натуры. Думаю, именно она, зависть — первоисточник лжи, обмана, а подчас и преступления.

Конечно, рассказанные здесь случаи — это детское бахвальство, желание во всем быть первым. Какой ребенок не хвастает своими игрушками, не стремится в чем-то перегнать других? Да и как часто мы, взрослые, играем на этом желании малыша отличиться. Ведь стремление стать лучше — стимул прогресса в большом, общечеловеческом смысле и в жизни каждого человека. И пугаться, видимо, нет оснований.

И все же надо пугаться: если это качество назвать завистью, то оно у мальчика прогрессирует, делается устойчивее. Где же кончается детское «хочу быть лучше всех» и начинается развитие зависти настоящей, серьезной?

«Натура сильнее любого воспитательного воздействия»,— часто можно слышать от людей, уже поживших, вырастивших детей. Мол, если ребенок рожден эгоистом, то, сколько ни воспитывай, это качество его натуры все равно возьмет верх, причем под «натурой» подразумевают некий комплекс качеств, передаваемых по наследству.

Думаю, что такая позиция не что иное, как удобная ширма для прикрытия собственной педагогической неумелости, а нередко и элементарного нежелания заниматься воспитанием. Конечно, надо учитывать особенности ребенка, но главное, о чем следует говорить, — достаточно ли полно и эффективно мы воздействуем на ребенка или при первых трудностях отмахиваемся от настоящего воспитания, ссылаясь на натуру?

Так ли уж необратимы зависть и озлобление в ребенке, особенно маленьком? И обязательно ли они приводят к развитию устойчивых черт характера? Более того, обязательно ли зависть — качество отрицательное? Почему же нередко говорят о «хорошей» зависти? Когда один признается другому: «Завидую по-хорошему», в нем говорит желание и самому научиться что-то делать лучше, стать лучше. Такого рода «зависть», по-моему, стимул к самосовершенствованию.

Но тут снова встает вопрос о гранях. Где кончается эта добрая зависть и начинается другая, скверная, злая? Как уследить переход одной в другую?

Очевидно, это сложный психологический вопрос и какие-то обобщения здесь делать трудно. В каждом конкретном случае — по-разному. Возможно ли предотвратить появление зависти у ребенка? Безусловно. Отвлечь, убедить, разъяснить. Средств много.

— А что ты завидуешь Сереже? — спросила я сына. — Он лучше тебя лепит? Так ты просто ленишься. Вот тебе пластилин, садись и учись лепить. Не получится — опять пробуй, и обязательно получится.

Долго он возился в тот вечер, пока наконец не вылепил самолет, о котором не уставал повторять: «Даже лучше, чем у Сережи!» Чувствовалось, что мальчик доволен. И не столько потому, что «обогнал» Сережу, а просто испытал удовлетворение от серьезной работы. Казалось, в этой радости труда растворилась его «злая» зависть.

Но радовался мальчик недолго.

— Все равно ненавижу Веревочку, — хмуро сказал он. — Хвастун такой! И Оля водится с ним...

— Почему с ним, а не с тобой?

— Да он сильнее меня, вот и все.

— Хочешь быть таким же сильным, как Сережа? Делай по утрам зарядку. Тоже будешь сильным.

— Правда буду? — радостно и в то же время недоверчиво спросил Витя.

— Конечно. Только не пропускай ни одного дня...

Совет мой так воодушевил мальчика, что он даже научился сам заводить будильник, и теперь встает рано, чтобы обязательно успеть сделать зарядку.

Как пойдет дальше, не знаю, но уже сейчас Витя стал добрее к Сереже. Увидит его на улице, первый поздоровается. Да и в детском саду они не ссорятся. Все чаще вижу их вместе.

Пусть не покажется преувеличением, но думаю, что уже этот случай заронил в душу сына зернышко многих хороших и разумных человеческих качеств, которые можно вкратце сформулировать так: не завидуй, а старайся сам стать лучше.

Однако это лишь полумера. Самовоспитание очень важно в жизни человека, но только им одним всего не добьешься.

Педагогика неустанно пропагандирует, как важно добро в жизни. Доброта, щедрость, отзывчивость, внимание к людям, а в детстве к товарищам. «Добрый человек, — писал Я. Корчак, — это такой человек, который обладает воображением и пониманием, каково другому, умеет почувствовать, что чувствует другой». Воспитание доброты в ребенке — это залог того, что он вырастет хорошим человеком.

Естественно, как и любое человеческое качество, доброта может быть разной. Но сейчас речь о доброте как символе хорошего отношения к людям, о доброте как лекарстве, которое помогает излечивать зависть. И я бы сказала, это лекарство необходимо принимать впрок.

У сына есть велосипед, подарок ко дню рождения. Как радовался мальчик, получив его! Велосипед действительно красивый: с широкими шинами, ручным тормозом, звонком. Но радость померкла, как только Витя узнал, что у другого мальчика из нашего двора такой же велосипед.

Недавно мы с Витей вышли погулять, захватив с собой велосипед. «Да ну его, — отмахивался Витя, — не хочу на нем кататься, он самый обыкновенный...»

Сначала я по инерции возмутилась. Но тут заметила, с какой завистью смотрят на Витю другие ребята.

— Ничего-то ты не ценишь, — с укором сказала я сыну. — Посмотри на этих малышей: как им хочется прокатиться на твоем велосипеде. Покатал бы их...

Сын с минуту подумал, а потом стал катать ребят. Долго я в тот вечер не могла уговорить его идти домой.

— Ну что, плохой у тебя велосипед? — спросила я дома.

— Хороший, — немного смущенно ответил Витя. — Ребятам очень понравился. Я рад, что всех покатал...

Добавить мне было нечего. Самое отрадное, что в доброте растворилась Витина зависть.

Маленький ребенок гибок и податлив. В этот период жизни его легко сделать хорошим человеком. Но для этого взрослым надо быть предельно внимательными к любому поступку и даже любому слову ребенка: в воспитательной работе все важно, мелочей нет.

«А ты дай сдачи!»

Малыши часто обижают друг друга. Вдруг ни с того ни с сего подойдет какой-нибудь Вова к своему приятелю Сереже и ударит его. Или подставит ножку. Или назовет нехорошим словом. Обидеть человека, особенно маленького, не так уж трудно.

Несколько дней назад мой шестилетний сынишка явился домой в слезах и сообщил, что никогда больше не будет играть с соседским мальчиком: «Он дерется!». Я стала утешать сына, пообещала пойти к матери драчуна, поговорить с ней. Но Витя решительно запротестовал:

— Нет, мама, не ходи, я сам все сделаю. Завтра отлуплю его так, что долго будет помнить.

— А он тебе еще сильнее надает, и получится у вас драка, — возразила я.

— Тогда я позову других ребят, и мы все вместе изобьем его! — гневно сказал мальчик. — А ты все равно не ходи к его маме. Я сам накажу его. Помнишь, ты мне раньше всегда говорила, чтобы я давал сдачи, если кто-нибудь обижает меня. Вот я и дам ему сдачи!..

Я говорила? Впрочем, да, и неоднократно. Но сейчас невольно передернулась от Витиных слов. Наверное, от той жестокости и решительности, которые в них прозвучали.

А эпизодов было много, когда приходил мой Витя из детского сада или со двора и ревмя ревел из-за того, что кто-то из ребят обозвал его или побил. По характеру своему он мальчик не задиристый, сам драться не полезет. И вообще не очень умел это делать. Но чувствительный и обидчивый до такой степени, что любая выходка ребят доводила его до слез. А главное, пожалуй, до размышлений, серьезных, долгих и тягостных. И когда я несколько раз заметила у него этот грустный взгляд, мне стало очень больно. Тогда я впервые и сказала сыну: дай сдачи обидчику.

Но сейчас, вспомнив те свои наставления, я почувствовала себя очень неловко. Тогда я пришла к этому выводу, что

называется, поневоле и не задумалась над тем, как глубоко запомнит мальчик эти слова. Я никогда не была на сто процентов уверена в том, что они правильны. А ведь многие люди горячо убеждены, что так, и только так нужно реагировать на обиды и оскорбления. Не давать спуску и пощады обидевшему тебя! Иногда и такие слова услышишь от молодых родителей: «Я нарочно приучаю своего сына драться, пусть учится защищать себя. Иначе вырастет не мужчиной, а размазней». Неужели это верно?

...Витя смотрел на меня выжидающе, ждал одобрения. Что сказать ему? Что посоветовать? Чтобы проглотил обиду? Чтобы всегда звал меня на помощь?

Конечно, пока ты мал, за тебя вступятся и мама, и папа. В общем-то, справедливость будет восстановлена! Но насколько прочной и долговременной окажется победа? Что дает она для становления характера ребенка? Да ничего! Это временные костыли, и только. Более того, такая тактика защиты, очевидно, вообще вредна, ибо она лишает малыша возможности рассчитывать на собственные силы, обезличивает ребенка, способствует притуплению его душевной твердости.

Интересно, что ребенок и сам чувствует это: победа, одержанная с помощью взрослых, обычно радует недолго. Где-то подсознательно маленького человека гложет острое и сильное чувство собственной слабости...

...Сегодня тебе нанесли обиду, и ты смолчал, пропустил это. Завтра снова обидели — и опять смолчал. И послезавтра смолчал... А что дальше? У ребенка стойко закрепляется рефлекс «непротивления». Малыш «уходит в себя», болезненно переживает свою неполноценность по сравнению с другими детьми.

Это ощущение неполноценности в дальнейшем может наложить тяжелый отпечаток на развитие всей его личности. В суждениях и поступках вырабатываются предвзятость и необъективность, в характере — мнительность, злобность, завистливость. И даже, как это ни неожиданно, эгоцентричность, ибо все внимание такого ребенка поневоле сосредоточивается на своей персоне и своих обидах.

Так что, видимо, не только в том дело, что сын вырастет «размазней», если не будет давать сдачи обидевшим его ребятам, если не научится защищать себя. Вопрос ставится глубже — о воздействии подобной тактики на формирование человеческой личности в целом.

Как же тогда быть? Получается, что выход из положения один — бей в ответ, если ударили тебя, не спускай ни одной обиды? И тогда уж действительно учись драться, что называется, впрок — авось пригодится в жизни. Ведь уметь дать сдачи — это не просто отпарировать удар. Это значит

уметь отстоять справедливость. Более того, это вопрос чести, защиты своего человеческого достоинства. Даже в детсадовском возрасте. Чувство обиды, возникающее, когда ты не смог отпарировать удар по достоинству, вызывается больше всего именно тем, что кто-то топчет твое человеческое достоинство. Маленький ребенок не умеет облечь все это в такую словесную форму, но инстинктивно чувствует не менее остро, чем взрослый человек. Взрослому гораздо легче, ибо он вооружен таким сильным оружием, как слово. В подобных ситуациях взрослый может разъяснить что-то обидчику, оскорбившему его, убедить, что-то доказать. А каково малышу?

Обиженный ребенок обычно бывает ослеплен нанесенным ему оскорблением. Вот где и должна проявиться родительская мудрость! Не просто горой вступаться за малыша, а как-то помочь ему разобраться в причине драки, посоветовать, как реагировать на обиду, на скверную кличку. Объяснить ребенку, что далеко не всякая плохая кличка свидетельствует о злости и неприязни тех, кто ее дает, что дети часто говорят и повторяют слова, которые сами не очень-то понимают, и что дерутся они чаще всего просто по недомыслию. Иногда лучше всего ему самому поговорить с товарищами. Кстати, его авторитет среди них, безусловно, вырастет. Может быть, раз, другой озорник-обидчик и не обратит внимания на то, что ему говорят, но, если будет постоянно видеть такую реакцию на свои агрессивные действия, у него скоро пропадет желание продолжать их.

Худой мир лучше доброй ссоры, говорит народная мудрость. Разжечь пожар ничего не стоит, а погасить его очень трудно. Очевидно, должна быть какая-то «золотая середина». Я за мир в детском коллективе, но не за такой, когда в ответ на удар по одной щеке требуют подставить другую. Я за мир разумный, за внушение и разъяснение, за то, чтобы научить ребенка прежде всего мыслить, вдумчиво относиться к любому поступку окружающих. Особенно если этот поступок касается его самого. Рецепты давать всегда трудно, да и нет рецептов, годных на все случаи жизни. Думаю, что в данном случае гораздо важнее не рецепт дать, а найти главную линию поведения.

Маленький рыцарь

— Витя! Витя! Где ты?..

Уже добрых полчаса я бегаю по всем соседним дворам, разыскивая сына. Проливной дождь, на улице по-осеннему холодно и слякотно.

Нахожу его в неожиданном месте — на другой улице, око-

ло дома маленькой девочки Юли. Ну и попадет ему от меня сейчас! Заставить маму столько времени бегать под дождем... Да и тут людям только мешает — видит же, около дома грузовик, Юлина семья сегодня уезжает с дачи.

Но едва я подхожу ближе, все сердитые слова в Витин адрес словно замерзают на лету. Витя не видит меня, он стоит чуть в стороне от машины, в черном клеенчатом дождевике до самых щиколоток, а на боку блестит металлическая шпага. С какой грустью смотрит мой маленький мушкетер на черный грузовик! В окне кабины мелькает Юлина мордашка, радостная и немного кокетливая.

— Витька, до свиданья! — машет рукой Юля.

— Приезжай опять на дачу, ладно, Юль? — просит в ответ Витя.

Машина трогается и вскоре исчезает за поворотом улицы. А Витя еще несколько минут грустно смотрит ей вслед. Глаза большие-большие и очень печальные... Неужели разревется? Но нет, вот он справился с собой, встряхнулся, для моральной поддержки вытащил шпагу из ножен и медленно пошел к дому.

А мне почему-то грустно. И я уже совсем не хочу ругать Витю. Прячась за домами, чтобы он не увидел меня, я спешу к себе другой дорогой. У меня сейчас такое чувство, будто вдруг приоткрылась завеса долгих будущих лет и сквозь нее проглянул мой выросший сын. Не маленький озорник Витька, а совсем взрослый парень...

Маленькие дети. Дошколята. Для нас они совсем одинаковые, мальчишки и девчонки, мы давно привыкли считать, что дети дошкольного возраста — это некая единая масса, и никогда особенно не акцентируем внимания на том, что общество малышей тоже состоит из мужчин и женщин, как и общество взрослых, только мужчин и женщин очень маленьких, начинающихся. Но ведь это так! Конечно, нельзя особенно заострять на этом внимание детей, дабы не способствовать слишком раннему, преждевременному пробуждению в них нездорового интереса друг к другу. Но вряд ли можно совсем игнорировать тот факт, что все инстинкты в человеке пробуждаются очень рано, где-то в четыре, пять, шесть лет. И если даже мы не видим этого, сами дети очень остро чувствуют свою природу и подсознательно требуют такого различения. И какой-нибудь шестилетний Сережа или Женя не просто дошколенок, а уже мужчина, со всеми природными задатками, и девочка для него не просто однокашница по группе детского сада, не просто соседка. Мальчик остро осознает, что она принадлежит к какому-то другому миру, что она слабее, чем он, что ее нельзя обижать, а, наоборот, надо защищать и оберегать...

Но всегда ли мальчишка-дошкольник только рыцарски относится к девочке?

...Детская песочница. Четырехлетняя Таня усердно накладывает песок в формочки и выстраивает куличи. И вдруг, словно саранча, налетает откуда-то мальчишка чуть постарше. Хвать — и вырвал у Тани совок. «Мне нужно глубоко копать, чтобы крепость строить!» — походя объясняет он девочке. В песочнице рев, обиженная девочка уже переступила через бортик песочницы и вот-вот направится к маме с жалобой. Но тут оборачивается на чей-то голос. «Отдай Тане совок! — повелительно говорит другой мальчик строителю крепости. — Разве можно девочек обижать?» Не дожидаясь ответа, Танин защитник отнимает совок и передает его девочке. Счастливая Таня снова принимается за свои куличи...

Почему так получается, что один мальчик не задумываясь может обидеть девочку, а другой, сам еще кроха, уже понимает, что это некрасиво, что обижать девочек нельзя? Этот эпизод не мелочь, а скорее миниатюрная фотография взрослой жизни, в которой наши уважаемые мужчины далеко не всегда по-джентльменски относятся к женщине. Причин этого много, но одна из них, безусловно, кроется в том, что в детстве — школьном и даже дошкольном — слишком мало уделялось внимания воспитанию у мальчиков уважения к своим сверстницам, к женщине вообще.

Воспитание любых человеческих качеств начинается в самом раннем детстве. «Если мы хотим изучать амебы мыслей, чувств и стремлений до того, как они развились, дифференцировались и сложились, — писал Я. Корчак, — мы должны обратиться к младенцу». Это глубоко верная мысль. Мы знаем, что приучать ребенка трудиться надо с самого раннего возраста. Знаем, что отзывчивость, человечность, доброта и все другие качества, хорошие и плохие, развиваются в ребенке в самом раннем детстве. Но, к сожалению, мало кто из нас задумывается над тем, что воспитывать мальчика мужчиной, джентльменом по отношению к женщине нужно тоже с самого раннего возраста. А между тем, если суметь правильно играть на лучших свойствах мужской психологии мальчика, не приглушать, а, наоборот, поощрять его инстинктивное стремление внимательно и заботливо относиться к женщине, быть для нее опорой, помощником, то воспитание мальчика может стать качественно совершенно иным.

Я не знаю, существуют ли какие-то рецепты в этой тонкой и сложной области воспитания, но если говорить по большому счету, мне представляется самым первым и важным шагом воспитание правильного человеческого отношения мальчика к собственной матери. Ведь мать — это первая женщина, которую любит, почитает, боготворит сын-мужчина. Если сын относится к матери внимательно, заботливо, с

сочувствием, он так же будет относиться к сестре, к соседской девочке, к будущей жене, вообще к женщине.

Впрочем, может быть, я ломлюсь в открытые двери? Речь ведь идет о маленьких мальчиках, а они-то, как правило, очень любят своих мам. Но всегда ли в этой детской, подсознательной любви есть такие качества, как заботливость, отзывчивость, внимательность к маме? Всегда ли мальчик не только словесно, а на деле понимает, как нужно беречь свою маму, помогать ей, хоть чем-то посильным облегчать ее жизнь? Нет, очень редко. Чаще всего мальчик, а потом взрослый сын или муж принимает как нечто само собой разумеющееся те блага жизни, которые создает в семье женщина, мать. Не потому ли в нашем взрослом мире есть столько сыновей, которые, горячо и искренне любя свою мать, «не замечают», например, что эта мать имеет очень скудный прожиточный минимум? Или, опять-таки горячо любя мать, парень «не видит», что в домашней жизни она давно превратилась в настоящую рабочую лошадь, в то время как он палец о палец не ударит, чтобы облегчить жизнь матери дома.

Нет, одной кровной любви, видимо, мало, ибо она далеко не всегда содержит в себе такие качества, как заботливость, внимательность, готовность к самоотречению. Парень должен чувствовать, что он сильный, он мужчина, что мать нуждается в его поддержке и опоре. Не назойливо, а как-то исподволь внушать это сыну, чтобы у него постепенно стало органической потребностью помогать матери по дому и вообще во всем. Чтобы, видя, например, как она поднимает тяжесть, сын непременно помог маме. Пусть это иногда и не настоящая помощь, важно, что мальчик чувствует: он помогает. И чтобы в лифте, например, он не забыл закрыть за мамой дверь, чтобы в транспорте не спешил скорее занять место, уступленное ему кем-то из пассажиров, а сначала предложил сесть маме. Он должен понимать и чувствовать, что мама, проработавшая целый день, больше нуждается в этом месте, чем он. Да и об усталости маминой пусть почаще вспоминает. Элементарная забота о матери должна быть нормой жизни.

Конечно, огромную роль в воспитании правильного отношения сына к матери играет в семье отец. Если он уважает жену, во всем помогает ей, то сын непременно возьмет с него пример. Влияние отца на сына очень сильно, особенно пока он мал. Причем влияние любое — и хорошее, и плохое. Бывает и наоборот, что именно из чувства жалости к матери, как бы по контрасту, сын, видящий дурной пример отца в семье, может вырасти прямо противоположным человеком. Но чаще яблоко от яблони недалеко падает, и, каков отец, таков и сын по отношению к матери.

...Однажды мы с Витей пошли в прачечную. Ему тогда было всего четыре года. В прачечной было много народу. Сначала Витя хотел пристроиться у стола, чтобы «заполнять квитанции». Но вдруг он поднялся, прошелся вокруг и исчез за дверью. Я очень испугалась, так как тяжелая дверь могла ударить его. Однако через минуту Витя вернулся. Впереди него шла новая посетительница с большим узлом белья, а он стрательно придерживал дверь. Я стала упрекать сына за непослушание, но он вдруг очень по-взрослому сказал мне: «Я хотел этой тете дверь открыть. Видишь, какая у нее тяжелая сумка? Тебе папа всегда открывает дверь, потому что он мужчина, а ты женщина. Я тоже хочу быть, как папа, я же мужчина...» Весь мой гнев как рукой сняло. Я допускаю, что Витя пошел к двери от безделья, что эту отговорку придумал на ходу. Важнее другое: он заметил в семье хороший пример отца и, что называется, взял его себе на вооружение.

Но в другой раз мне пришлось невольно покраснеть за сына. Витя попросил меня помочь ему сделать из конструктора бульдозер, и, когда я посоветовала ему обратиться к отцу, потому что сама ничего в этом не понимаю, мальчик, словно вдруг спохватившись, выпалил: «Ой, мама, я забыл. Ты же женщина и ничего не понимаешь». Признаться, сначала я оторопела — первое чувство всегда трудно контролировать. Но потом, спохватившись, поняла, что он говорит это вовсе не по глубокому убеждению, а потому, что неправильно переосмыслил какие-то другие, может быть, и хорошие слова, услышанные от папы.

А ведь есть немало семей, где именно так относится муж к жене — «ничего не понимаешь». Не отдает ли это старинной поговоркой о том, что курица не птица, а баба не человек? Как же прочно может усвоить такое отношение к матери, вообще к женщине, маленький мальчик! Ведь он не очень способен мыслить аналитически, для него обычно нагляднее и важнее живой пример старших. И если он усвоил какой-то хороший пример, если уже с раннего детства стремится как-то помогать матери, даже встать иногда на ее защиту, не надо мешать ему: этим можно спугнуть его робкие, первые попытки быть настоящим мужчиной.

Но с отношения к матери только начинается воспитание мужского рыцарства в мальчике: просто мать намного ближе мальчишке, чем любое другое существо женского пола. Джентльменское отношение к девочке-сверстнице нужно както специально воспитывать в мальчике. Если оно будет внушено мальчику уже в раннем детстве, то само собой войдет в его жизнь в подростковые годы, в годы юности и зрелой жизни. Как часто можно наблюдать в группе детского сада драку между мальчиками и девочками! А разве это допусти-

мо? Безобразие, что девочки иногда затевают ее сами, но это уже другой вопрос. Надо как-то внушать мальчику, что бить девочку некрасиво, плохо, что это унижает его самого. А если он увидел, что так поступает другой мальчик, пусть он вступится за девочку. В этом и будет заключаться его рыцарское, поистине мужское отношение к девочке.

...Как-то раз мой Витя пожаловался на свои детсадовские заботы. Он был дежурным в группе и, как все дежурные, должен был накрывать столы к завтраку, обеду и ужину, убирать посуду, сдвигать стульчики, сметать крошки. Витя любит дежурить и обычно охотно выполняет все, что от него требуется. Но на сей раз что-то явно расстроило его.

— Мы сегодня дежурили с Верой, и она ничего не хотела делать, — пожаловался мне Витя. — Сказали: убрать посуду со стола, а она взяла и убежала в куклы играть. И я все должен был делать один. Вот возьму и не буду ничего делать, пусть она одна дежурит...

Мне тоже было немного обидно за Витю — действительно, Вера поступила некрасиво. Но было в Витиных словах и что-то такое, что покоробило меня. Эта мелочная мстительность, что ли, немужская злобность... Я сказала об этом сыну, разъяснила, посоветовала поговорить с девочкой. Он сначала артачился, но, чем больше я пыталась воззвать к его мужскому благородству, тем больше он со мной соглашался. Может быть, правильнее было бы осудить Веру. Но мне в этом маленьком эпизоде увиделись большие проблемы, связанные с характером сына, и потому о них я и вела разговор. Вполне возможно, что это устаревшая точка зрения, но мне хотелось бы воспитать сына с каким-то запасом априорной снисходительности к девочке, к женщине. Чтобы он никогда не опускался в своих взаимоотношениях с женщинами до мелочности, до дрязг, чтобы это снисходительное отношение к женщине взял себе за правило. С этого начинается мужское благородство: сильный не станет прибегать к мелочным поступкам. Если мне удастся воспитать в сыне это качество, он вырастет благородным человеком.

Но, конечно, мое мнение спорное. Можно возразить, что стоит только утвердиться в его характере этой снисходительности, привыкнуть все спускать девчонкам, они не замедлят, что называется, сесть на шею, а из него вырастет безответный дурачок, не способный постоять за себя. Но мне кажется, контрмеры к тому, чтобы так не вышло, надо принимать где-то гораздо позднее. Пока же речь идет о тех, кому еще нет семи лет.

Многое можно показать мальчику через игру. Детей не надо учить играть, они сами достаточно изобретательны, наблюдательны, во всем стремятся копировать ту взрослую

жизнь, которую видят вокруг. Однако не мешает иногда присмотреться к тому, как они играют. Подтолкнуть, подсказать что-то, навести на новую мысль, даже на новое понимание каких-то моментов.

Однажды мне пришлось «дежурить» по дому: две соседки попросили меня посидеть с их детьми — мальчиком Алешей и девочкой Ирой. Оба они примерно Витиного возраста. Дети пришли к нам и стали играть все вместе.

Сначала, как бывает всегда, когда собирается вместе несколько ребятишек, был шум и гам, разбрасывались по квартире игрушки, иногда даже раздавался Ирин писк. Но вот стало тише, из комнаты едва доносились голоса. Я невольно заглянула туда, и глазам моим представилось весьма интересное зрелище. Дети играли в семью. Витя был папой, Алеша сыном, Ира мамой. Витя сидел, развалившись в кресле, и «читал» газету. Алеша, как полагается детям, возился с игрушками. А Ира, конечно, «занималась хозяйством».

— А почему у вас в семье мама все делает одна? — вмешалась я. — Вы, мужчины, отдыхаете, а мама ваша трудится за троих. Куда это годится?

Витя смутился и, подойдя к Ире, сказал:

— Давай я тоже что-нибудь буду делать.

— Давай, — живо согласилась Ира. — Вот бери отодвигай этот ящик с игрушками, мы здесь поставим стол. А ты, Алеша, помогай папе.

Алеша нехотя оторвался от игрушек, но маму надо слушаться, и потому он стал помогать папе Вите.

А я стояла в дверях и улыбалась: такая картина «семейного бытия» нравилась мне куда больше.

Мне кажется, что, если бы так или иначе все время акцентировать внимание мальчика на том, что сама природа предназначила ему быть сильным, мужественным, быть защитником и помощником девочки, женщины во всей ее жизни, наши мальчики вырастали бы совсем иными. Ведь в мальчике от природы заложено это рыцарское отношение к женщине. Но вряд ли можно уповать на одну природу. Она же, природа, придумала для этой розы свои шипы: сегодня нежный и чуткий по отношению к девочке, мальчишка, особенно маленький, может завтра напрочь забыть об этой чуткости и побить девчонку, обидеть, пройти мимо, когда ее обижает кто-то другой. Так что природа природой, а наше воспитательное воздействие на ребенка в этом отношении исключительно важно. И особенно в семье, откуда мальчик черпает все основы своих взглядов и убеждений.

К. Маркс говорил, что о культуре народа можно судить по отношению к женщине. Думается, что слова эти приме-

нимы и к каждому отдельному человеку. Чтобы наши ребята выросли достойными и благородными мужчинами, надо заботиться об этом с раннего детства.

Веселое и грустное

Маленький мальчик стоит около радиолы и тихо плачет. Ему немного стыдно: в комнате взрослые, они могут заметить его слезы. Но что же делать, если погиб в тайге Серега Санин, разбился вместе со своим самолетом...

...Два дня искали мы в тайге капот и крылья,
Два дня искали мы Серегу.
А он чуть-чуть не долетел, совсем немного,
Не дотянул он до посадочных огней...

— Мама, а кем был Серега Санин? — спрашивает меня Витя сквозь слезы.

Я не знаю, но думаю, что летчиком-испытателем. И я рассказываю сыну о летчиках, а потом о космонавтах, об их трудной и героической работе.

— Давай еще раз послушаем про Серегу, — просит Витя.

И, не дожидаясь моего разрешения, снова ставит пластинку с «Песней о друге» Ю. Визбора.

Все повторяется. Лишь первые строчки сын слушает спокойно. Потом крупные слезы застилают глаза, плечи начинают вздрагивать. Скорее снять пластинку! Не для маленьких она! Станет сын постарше, пусть тогда и слушает. А сейчас поставлю что-нибудь детское, чтобы мальчик смеялся... Пусть не будет этих слез, таких серьезных и не по-детски тихих...

— Не надо, мама, — тихо просит Витя, едва я протягиваю руку к адаптеру. — Я хочу слушать про летчика.

Нет, дело здесь, видно, не просто в упрямстве...

А в другой раз мы с сыном сидим в кинотеатре на детском фильме «Снежная королева». На экране замерзший Кай один играет ледяными кубиками в снежном королевстве, а маленькая Герда, пораженная страшным превращением названого брата, беспомощно смотрит на него.

В зале тишина. Нарушают ее лишь грустный голос Герды да приглушенные всхлипывания моего Вити. Он давно перебрался со своего стула ко мне на колени — вдвоем не так страшно.

— Уведите ребенка из зала, — шепчет мне сзади сердобольная женщина. — Разве можно так мучить детское сердце?

— Пойдем, Витенька? — прошу я сына.

Но он отрицательно качает головой:

— Нет, нет... Как же Герда без меня?

Из кинотеатра мальчик выходит счастливый: ему кажется, что и он тоже чем-то помог двум ребятишкам благополучно вернуться домой... Но если бы не кончилось все так хорошо, он все равно гордился бы, что не ушел, а, наоборот, тем, что было в его силах, помог малышам — разделил их страдания.

Сейчас Вите седьмой год. Еще совсем недавно я бы не задумываясь сняла с проигрывателя злосчастного «Серегу Санина» и увела бы мальчика из грустной сказки на солнечную улицу, купила бы ему мороженого и спешно рассказала бы что-то забавное, чтобы печальное настроение и переживания не задерживались. В самом деле, зачем так рано приобщать его к грустным сторонам жизни? Пусть радуется, смеется, пусть детство его будет легким и беспечным. Пусть в сказках, которые он слушает, добро обязательно побеждает зло, а от горестей жизни пусть подольше бережет его стена родительских забот. Разве не успеет он в своей взрослой жизни насмотреться на человеческие страдания, на дурное и горькое?

Я знаю, что так рассуждает большинство женщин. Мы все боремся за счастливое детство своих детей, за то, чтобы оно не было омрачено ничем грустным и плохим. Но, наверное, многие из нас понимают это слишком упрощенно. К чему приведет это желание оградить ребенка от грустного, плохого, иногда и трагичного? Не к душевной ли слепоте и глухоте? Не к эгоизму ли и черствости? А может быть, и более того — к жестокости?

Вот ведь и сам ребенок протестует против чрезмерной опеки! Эта новая черточка в характере Вити, на мой взгляд, очень положительная. То, что дети порой предпочитают грустное веселому, говорит об их нежелании уйти от чужого горя, от чужой беды. Можно думать, что если не глушить эту черту характера, то скоро она выльется в чувство более серьезное и глубокое — в стремление не только разделить чужую боль, но и облегчить ее.

Стремление родителей продлить безмятежное «золотое» детство своего ребенка часто приводит к большим порокам в воспитании. Оно может лишь усугубить тяжесть прозрения, которое все равно обязательно придет. Нельзя искусственно изолировать маленького человека от жизни, заменить сложность и многообразие ее бесцветной «пустотой счастья». А особенно если ребенок сам уже начинает чувствовать потребность видеть и слышать мир шире, чем в рамках своего уголка игрушек.

Недавно я зашла к знакомым, у которых растет дочка такого же возраста, как мой сын. Мать с девочкой сидели на диване и перебирали книжки. Попалась книжка об Отече-

ственной войне для детей младшего школьного возраста. «Почитаем», — попросила девочка. Но мама решительно отложила книжку в сторону. «Нечего читать про всякие ужасы, — почему-то сердито сказала она. — Напишут же такое для детей!» Тут же нашлась сказка про Ваньку-встаньку, и мама с удовольствием начала читать ее девочке.

Мне стало не по себе. Как же так — напрочь закрыть от ребенка книги и рассказы, описывающие войну? Это значит, он не должен ничего знать о героической истории своего народа, о людях мужественных и храбрых, а также о людях мерзких, предателях своей Родины?! Как можно так обеднять и оскуднять жизнь ребенка, ограничивая ее лишь ваньками-встаньками да порханием бабочек в солнечный день? Обо всем можно рассказать маленькому ребенку, в том числе и о войне; надо лишь придать рассказываемому доступную форму. Чтобы знал малыш, как жил его народ, чтобы гордился своей Родиной, чтобы умел ценить то, что досталось ему. Чтобы привыкал к правильной оценке жизни.

Но пример с этой девочкой, возможно, нетипичен. Обычно минувшая война, вообще тема войны играет огромную роль в домашнем воспитании ребенка. Более того, на военном материале воспитывать легче, чем на каком-либо другом. Но вот другой пример весьма типичен. Скажем, завидев на улице пьяного или какое-то безобразие, всякая мать старается скорее увести ребенка от этого зрелища. Что и говорить, смотреть на такое и в самом деле противно. И все же, мне кажется, что, привлекая иногда внимание ребенка к отрицательным и некрасивым сторонам жизни, можно добиться большого положительного воздействия на него. У ребенка вырабатывается стойкое отрицательное отношение, даже отвращение к подобным вещам, а одновременно прививается и вкус к противоположному — хорошему и красивому. Но, пожалуй, еще важнее, что такой подход, обратный принципу «моя хата с краю», в конце концов сделает малыша человеком небезразличным, неравнодушным по отношению к подобным неблаговидным явлениям. И, как логическое следствие этого, у ребенка будет возникать чувство необходимости бороться со всякими безобразными сторонами действительности.

До сих пор разговор шел у нас в таком плане: отрицательное явление и ребенок как наблюдатель его. Но бывает и так, что малыш, пусть невольно, пусть по неведению, сам совершает дурной или жестокий поступок. Надо ли акцентировать его внимание на собственной жестокости или, наоборот, «замять вопрос»? О тех случаях, когда ребенок совершает недоброе дело намеренно, я говорить сейчас не хочу: здесь, на мой взгляд, все ясно. Но если случайно?

...Едва приехав на загородную дачу, сын получил пода-

рок — живого ежа, которого поймали соседские ребята. Радости мальчика не было конца. Но я-то знаю, что ухаживать за ежом по-настоящему Витя не может: мал еще. Я сказала сыну, что ежа надо отпустить. Витя закапризничал, доказывая, что «всю жизнь мечтал иметь ежика...». И я сдалась... На третий день ежик, конечно, подох.

Мальчик тяжело переживал случившееся. Мы делали все, чтобы отвлечь его, чтобы он скорее забыл о еже. Но правильно ли это? Ведь Витя, пусть по неведению, проявил не просто недомыслие, а жестокость. Зачем же спешить избавить его от угрызений совести? По-моему, наоборот, если он перестрадает сейчас, то научится по-доброму, а не по-потребительски относиться к животным. А это очень важно для роста и воспитания маленького ребенка.

Так что мое мнение — нельзя напрочь уводить ребенка в сторону от всего грустного, безрадостного. Но, конечно, как и везде, в этом вопросе нельзя впадать в крайность, нельзя чрезмерно привлекать внимание ребенка к отрицательным сторонам жизни. Это может привести к тому, что он будет старательно искать плохое во всем и во всех. Кроме того, обилие плохого и грустного не может не сказаться на развитии душевного склада ребенка. Если мой сын, например, будет слишком часто слушать грустные песни и проливать над ними горькие слезы, он вырастет слабым, сентиментальным человеком. Чрезмерная доза плохого, грубого, страшного способна заглушить все хорошее и светлое в человеческой душе, особенно детской, нестойкой, а в дальнейшем способствовать развитию характера мрачного, пессимистического, злобного.

Спору нет, хорошие человеческие качества воспитывают прежде всего на положительных примерах. И все же нельзя уводить ребенка от всего грустного. Воспитывать надо всесторонне, чтобы ребенок видел и познавал не только хорошие, но и плохие стороны жизни. Малыш становится добрее, отзывчивее, внимательнее к чужому горю, а это значит — человечнее.

И все-таки я за правду!

Как-то субботним вечером я сидела в одном из московских кафе. Настроение было приподнятое, вероятно потому, что одна за другой сменялись хорошие песни. Подойди к радиоле, опусти пятак — и тут же зазвучит выбранная тобой мелодия.

Вдруг около радиолы оказалась девочка лет шести. Она держала наготове пятачок, и вся ее мордашка светилась счастливой улыбкой. Вот сейчас она бросит монетку, и ра-

диола, будто по щучьему велению, по ее хотению, споет песенку...

Но вместо мелодии на все кафе раздалось:

— Отойди от радиолы! Нельзя детям. Бессовестная ты девчонка!

Малышка вздрогнула и обернулась на крик. Через весь зал, выставив вперед воинственный кулак, бежала официантка и громко бранилась.

Куда исчезла улыбка ребенка? Девочка вдруг сникла, словно воробышек, опустивший крылья, и, нагнув голову, пошла к родителям.

Долго грубая женщина в пух и прах разносила «наглых» детей и нерадивых родителей. Семья же эта, посидев в кафе минут десять и чувствуя себя явно «не в своей тарелке», поднялась, чтобы уйти домой. Родители шли к выходу понурившись. Да и девочка смотрела в пол.

Мне тоже пора было уходить, и я вышла вслед за ними.

— Фу, какая плохая тетя, — сказала девочка, едва закрылась дверь кафе.

— Таня, как ты можешь? — возмутился отец. — Так нельзя говорить про старшего, взрослого человека.

— А что же, по-твоему, она должна сказать? — вмешалась мать. — Что официантка вежливо разговаривала?

Родители заспорили. Мать говорила, что нельзя защищать грубость, если даже она исходит от взрослых, и незачем обманывать ребенка, он сам прекрасно видит, что поступок некрасивый. Но и у отца были веские аргументы.

— Защищай, защищай дочку! Скоро она тебе и мне начнет такое же говорить. Хорошая жизнь нас ждет, нечего сказать!

Вскоре они свернули в сторону, а я пошла своей дорогой. Странное у меня было чувство: будто говорили они не друг с другом, а со мной, причем на тему, которая давно уже меня тревожит. В самом деле, что нужно было сказать ребенку? Как реагировать на его критику? Как оправдать в его глазах взрослого? И надо ли оправдывать?

Я по-настоящему взволновалась, в голове замелькали воспоминания о похожих эпизодах из собственной практики, когда я просто не знала, как мне поступить. Верно, ребенок все подмечает, остро ощущает окружающую его жизнь и часто критикует то, что не нравится ему в поведении или словах взрослых. Но к чему в конце концов приведет подобная критика, если ее поощрять? Ведь это непременно скажется на взаимоотношениях родителей с ребенком, на его отношении к окружающему. Загруженные повседневными заботами, мы, взрослые, порой не замечаем, что нагрубили ребенку, поступили с ним несправедливо. Что же делать? Позволять ему

быть ревизором любого нашего поступка? А родительский авторитет? Не пострадает ли он?

Вспоминаю такой случай.

Сыну пять лет. Однажды утром я собралась вести его в детский сад, но Витя стал капризничать, придумывать всякие предлоги, чтобы остаться дома. Я догадалась: у него в саду какая-то неприятность. Спрашиваю — надулся, молчит.

Вникать в его настроение было некогда — спешила на работу. Когда мы стали подходить к детскому саду, Витя совсем раскис.

— Витенька, смотри, вон твоя бывшая воспитательница Татьяна Ивановна гуляет с малышами, — сказала я, чтобы отвлечь сына. — Помнишь, ты ходил к ней в группу два года назад?

— Знаю! — хмуро ответил Витя. — Вчера она у нас тоже была, потому что Елена Петровна заболела. Вот я и не хочу идти в детский сад.

С удивлением смотрю на малыша: откуда такая немилость?

— Я вчера сразу вспомнил, как она меня в туалете заперла... — так же хмуро продолжал он.

Ах, вот что! Мне тоже памятен этот эпизод. Витя пришел тогда домой весь в слезах и рассказал, что Татьяна Ивановна заперла его «в туалет совсем одного» и он там «долго сидел и плакал». Помню, я утешила его как могла, но на всякий случай отругала за непослушание и уложила спать. И вот теперь, через два с лишним года, он снова вспомнил этот случай.

— Я тогда совсем, совсем не баловался, — продолжал мальчик, — а просто играл в игрушки и про все спрашивал. Она мне сказала: «Как ты надоел со своими вопросами!» — и заперла одного, чтобы замолчал...

— Не может быть! — резко возразила я. — Ну-ка вспомни, наверное, ты просто нашалил, вот тебя и наказали.

— Нет, — упрямо возразил Витя, — я хорошо вел себя...

Я огорчилась. Ведь Витя, в общем-то, прав. Возможно, Татьяна Ивановна очень хорошая воспитательница, но подобное наказание и в самом деле было по меньшей мере странным. Мне надо было что-то ответить мальчику. Но что? Подстегивало время: через несколько минут я «сдала» Витю в группу и поспешила на работу. А вопрос остался открытым. И самое неприятное то, что я так и не решила, как объяснить ребенку происшедшее. Надо ли ругать вместе с сыном воспитательницу или, наоборот, внушать, что ему еще слишком рано критиковать взрослых? Я была в таком же положении, как те родители в кафе. Кто из них прав? Вроде бы оба рассуждают правильно. Но их точки зрения полярно

противоположны, а ребенку нужно однозначно сказать, хорошо это или плохо.

Но мой случай психологически, пожалуй, сложнее. Там надо было оправдывать или порицать чужого человека, а здесь речь шла о воспитательнице, человеке, близком ребенку, в какой-то степени заменяющем ему родителей. Не я ли сама всеми способами старалась поднимать в глазах сына авторитет воспитательницы? Да и в любой семье так. Больше того, очень часто, когда мы, родители, в чем-то не справляемся с детьми, то непременно взываем к авторитету или прямо к помощи педагога. И вдруг — такое...

Как же все-таки поступить отцу или матери, если ребенок просит разъяснить неблаговидный поступок или несправедливые нападки взрослого? Ведь даже при идеальном варианте осуществления лозунга «Совершенствуй себя и своего ближнего», можно, скажем, избежать таких эпизодов, как с моим сыном в детском саду. Но всю жизнь не очистишь от пороков и бранных слов, не отрафинируешь. Куда денешься от таких неприятных эпизодов, как в том кафе в субботний вечер?..

Чем старше становится сын, тем острее встает передо мной этот вопрос. Я часто беседую на эту тему со своими друзьями. Мнения самые разные. Так, одна из моих подруг довольно уверенно заявила, что никаких затруднений в этом смысле не испытывает.

— Я всегда говорю дочери, что она еще слишком мала, чтобы критиковать старших, — рассказывает мать. — Они и умнее, и опытнее. Вырасти сначала и выучись, а потом суди людей.

А девочка, существо непосредственное, справедливое, снова и снова идет к матери с вопросами. Мать внушает одно, а дочь часто видит в жизни совершенно другое. И вот результат: в понимании ребенка все взрослые, включая воспитателей и родителей, превращаются в некую группу людей, у которых искать справедливости бесполезно.

Я решила действовать иначе. И натолкнул меня на это тоже случай. Но тут я не смогла бы убедить мальчика, что он еще не может понять, что хорошо и что плохо.

Я, сын и несколько наших друзей оказались ночью в чужом городе. Знакомых у нас там не было, и мы поспешили в гостиницу. Едва переступили порог, как нам категорически заявили, что свободных мест нет. Это было довольно жестоко: маленького ребенка работники гостиницы могли бы где-нибудь уложить.

Возмущенные и обескураженные, мы вышли на улицу. Витя горько расплакался.

Кто-то предложил пойти в ближайшую школу и попросить сторожа разрешить нам переночевать. Сторож оказал-

ся добрым человеком. Мы устроились на ночлег в одном из классов на стульях. Из джемперов и пиджаков устроили малышу постель. Он вскоре сладко уснул, пробормотав напоследок: «Какой хороший дядя сторож!»

А утром Витя долго расспрашивал, почему же нас не пустили в гостиницу. Я объяснила, что устроить нас было негде из-за отсутствия мест. Витя внимательно выслушал меня и сказал:

— Нет, не поэтому! Бывают люди хорошие, а бывают злые. Вот и все.

Возразить было нечего, да, честно говоря, и не хотелось. Зачем выгораживать перед ребенком того, кто явно этого не заслуживает?

Как бы ни были сложны, а иногда и противоречивы поступки взрослых, нельзя обманывать маленьких. Сегодня ты замнешь вопрос, но рано или поздно ребенок снова придет к тебе с ним. Отругать же его за попытку критиковать старших — не выход из положения. Ребенок замкнется, уйдет в себя.

Есть и еще важный довод. Ребенок приходит к нам с вопросами. Это значит, в нем пробуждается потребность мыслить, и мы, взрослые, своими разъяснениями можем всячески поощрить в нем развитие этой драгоценной способности. А затыкая ребенку рот, мы тем самым внушаем: «Не смей думать, выполняй только то, что тебе разрешим мы». Ориентировать надо на правду жизни. А в ней, помимо розовых тонов, встречаются и все остальные цвета спектра, и чем раньше ребенок начнет отличать хорошее от дурного, тем быстрее научится великому умению сопротивляться злу, тем более принципиальным и честным он вырастет.

Вот, кажется, я и нашла ответ на один из труднейших, если не сказать мучительнейших, вопросов педагогики. Как будто просто: ориентируй ребенка на правду — и дело с концом. Но стоит вдуматься в задачу, которую перед собой ставишь, и начать ее решать, как тут же приходишь к выводу, что она не из легких. Взять хотя бы эпизод с гостиницей. Кажется, тогда было найдено верное решение: я молчаливо согласилась с оценкой Вити плохих и хороших людей. Но вот беда: с тех пор словно ускользнула из-под моих ног твердая почва, и если теперь Витя просит что-то ему разъяснить и я стараюсь делать это объективно, он часто опровергает мои утверждения. И конечно, преувеличив, слишком охотно ищет плохое в людях. Меня это пугает. Я заметила, что в последнее время мальчик стал чрезмерно обидчивым, потому что, не разобравшись в поступке или словах старшего, он поспешно делает отрицательные выводы. Как бы это не привело к тому, что он во всем будет видеть только темные тона.

Нельзя сразу соглашаться с критическими суждениями ребенка, надо подходить к ним аналитически и его учить тому же. Настолько ли плох поступок, который он критикует? Ведь часто то, что плохо в одних условиях, в других оказывается приемлемым, а то и необходимым. Такие вещи тоже можно обяснить детям, даже маленьким.

Конечно, многое зависит от нашей способности признавать свои ошибки. Ребята ценят и уважают взрослых, которые способны признаться в своих промахах. Такой человек ближе ребятам, понятнее их правдолюбивой, чистой душе. Кстати, подобное поведение взрослых содействовало бы развитию и у детей самокритичности. Критикуешь поступки других — умей и к себе относиться так же.

И еще: нужно, чтобы ребенок правильно принял твою поддержку его критики. Ведь, ободренный поддержкой, он пойдет дальше. И опасность заключается в том, что в конце концов это может привести к своего рода панибратству между нами и детьми, то есть к абсолютному равенству в суждениях, а потом и в поступках. Не думаю, чтобы это положительно сказывалось на детях.

И все же, как бы ни была трудна эта проблема, я за то, что именно на правду надо ориентировать человека всю жизнь, начиная с самых ранних лет его жизни. Может быть, это легче делать с детьми более старшего, чем дошкольный, возраста. Но, по-моему, все зависит от нашей способности учитывать, что может и что не может понять ребенок такого возраста. Чем раньше начинается всестороннее правильное развитие человека, тем оно успешнее осуществляется. А кроме того, справедлива истина, что воспитывать куда легче, чем перевоспитывать. Это еще одна из причин, почему любое воспитательное начало лучше осуществлять с самых ранних лет жизни ребенка.

«Все пенки мне!..»

Вечер, седьмой час. Как всегда в это время, мы с сыном возвращаемся домой из детского сада. Дорожка короткая, всего на пять — семь минут. Но мы идем долго, потому что нам есть о чем поговорить — ведь мы не виделись целый день. Два-три вопроса о том, что кушал и как кушал. На них Витя отвечает быстро и не очень охотно. Но зато когда начинаю расспрашивать его о занятиях, о том, что было сегодня интересного, о книжках, которые им читала воспитательница, мальчик оживляется. Меня интересует вся Витина жизнь в детском саду. Как большинство современных мам, я вижу ребенка сравнительно мало: полчаса утром, два-три ча-

са вечером и в воскресенье. Остальное время он проводит в детском саду, и эта часть его жизни почти целиком скрыта от меня.

— Ну, как сегодня? — начинаю я наш обычный разговор. — Играли в какие-нибудь новые игры? Как другие ребята?

Но вместо привычного, радостного рассказа о прошедшем дне вдруг слышу следующее:

— Ни в какие я игры не играл. Никто из ребят не хочет со мной водиться...

— Почему? — не верю я своим ушам. — У тебя же столько друзей в группе...

— Вот и нет, — с обидой в голосе говорит Витя. — Никто меня больше не любит...

Несколько минут я молча иду рядом с сыном. Да, значит, не обманули меня мои подозрения. В последнее время сын стал ходить в детский сад не очень охотно. Оказывается, дело в том, что никто из ребят не хочет с ним «водиться». Действительно, в последнее время, как ни приду вечером за ним, все играет один. Другие ребята на качелях качаются вместе, смеются, бегают, играют, а он сидит в песочнице совсем один. Или, хуже того, стоит у забора и с тоской смотрит на дорогу, ожидая, когда же за ним придут. Детское сердце — очень чуткий барометр, который моментально улавливает малейшие изменения, происходящие в окружающей ребенка жизни, и, если Витя почувствовал изменение отношения к себе, это не мнительность его, а действительное положение в группе...

— А почему ребята больше не любят тебя? — спрашиваю я Витю.

— Да потому... потому... — не сразу находит он ответ. — Потому, что они у нас в группе все глупые какие-то...

— Это ты сейчас глупости говоришь! — отчего-то сержусь я. — Хорошие у вас ребята, самые обыкновенные...

Мы подходим к дому, и разговор на этом кончается. Может быть, и нужно было бы поговорить с мальчиком подробнее, но мне почему-то кажется, что он и сам не очень хорошо понимает, в чем дело. Может быть, мне лучше сначала поговорить с воспитательницей? Уже три года Витя посещает группу Елены Петровны, и она «переходит» со своими детьми со ступени на ступень. Я давно знаю, какой это тактичный и тонкий воспитатель, с каким вниманием относится она к каждому малышу. И если до сих пор детский сад был для Вити как родной дом, то это главным образом заслуга Елены Петровны. Наверное, она и сейчас знает, в чем дело, и поможет мне разобраться. Может быть, Витя сам в чем-то провинился перед ребятами и потому они перестали любить его?..

На следующий день вечером я не сразу беру Витю домой, а сначала иду к воспитательнице. Елена Петровна встречает меня с улыбкой.

— Давно хотела побеседовать с вами, — говорит она мне. — Есть о чем. Да и по вас видно, что чем-то встревожены...

Я рассказала Елене Петровне про Витины настроения.

— Вот как? Оказывается, уже никто не любит его... — задумчиво сказала Елена Петровна. — Да, у Вити тут не все гладко. Стал ссориться с ребятами, задаваться, хвастать. А ребята, естественно, не любят этого. Вообще все себе и для себя старается делать. Например, как он с детьми играет? Сядет с кем-нибудь играть в шашки, пока выигрывает — все хорошо. Ребята соберутся вокруг, смотрят с интересом. Но стоит только Вите начать проигрывать — все, игре конец. Отодвинет от себя доску, надуется и заявляет, что он играть больше не будет. А недавно совсем смахнул шашки с доски. Ну куда это годится?

...Домой я шла расстроенная. Елена Петровна рассказывала мне и о других неприятных вещах. Разговаривала она со мной мягко, старалась разъяснять, а не высказывать претензий, но я очень живо представила себе, как все это выглядит в жизни. А потом, один за другим, стали вспоминаться разные события и моменты Витиной жизни. Витя никогда не был жадным, но кое-что вспомнилось и из этой области. Сколько раз, бывало, спросит меня, можно ли ему взять в детский сад какую-нибудь новую игрушку. Я, конечно, говорю, что можно. Однако, спросив, Витя тут же находит причины, по которым этого делать не стоит: дети сломают, дети потеряют. И у меня-то он, наверное, спрашивает разрешение за тем, чтобы я именно не разрешила и тем самым сняла с него груз ответственности за собственный эгоизм. А другие дети приносят игрушки в сад и не боятся, что кто-то их сломает. Может быть, это мелочь? Вряд ли. Сегодня он пожалел игрушки, завтра откажется дать своему однокласснику учебник или книжку. И чем дальше, тем больше будет укореняться в нем эта черта характера.

А не так давно Витя устроил у нас дома урок рисования. Пригласил трех девочек-соседок. «Будем рисовать якоря», — сказал Витя тоном, не допускающим возражений. Девочки и так повертели бумагу, и эдак — якоря не выходили. «Хочу рисовать куклу Машу», — сказала одна из них, самая маленькая. Остальные девочки поддержали ее. Но не тут-то было, Витя ни в какую не соглашался. «Нет будете рисовать якоря, — сказал он. — Вы ко мне в гости пришли, я тут хозяин, значит, меня нужно слушаться». Конечно, девочки скоро ушли, обиженные. А я тогда почти никакого значения не

придала этому эпизоду. Поругала Витю для приличия, и тут же обо всем забыла.

...Сегодня, как и обычно, домой Витя бежит радостно, весело болтает о чем-то. День, видимо, прошел неплохо, и настроение у него прекрасное. Он еще не знает, какие тучи собрались у меня в душе после разговора с его воспитательницей.

Едва мы входим в дом, мальчик спешит к своему лучшему другу — аллоскопу для просмотра диафильмов. Его подарили Вите совсем недавно, и он так пристрастился к этому кино, что без него дома и вечера не проходит. Пленок много, самых разных. Когда-то их показывали еще мне. Витя любит приглашать на эти сеансы соседских ребятишек, и мне это нравится: хорошо, что мальчик растет коллективистом, что хочет поделиться своей радостью с другими.

Обычно я спокойно оставляла детей одних смотреть пленки, но сегодня, после всех своих треволнений, остаюсь с детьми. Интересно присмотреться, как Витя ведет себя с ребятами. Может быть, все-таки Елена Петровна преувеличивает, сгущает краски? Вот ведь и малыши любят ходить к нему, а это уже значит, что он хороший мальчик. Может быть, те эпизоды мелочь, а вовсе не какое-то серьезное проявление Витиного эгоизма?

Ребята чинно усаживаются на стульях, как в настоящем кинотеатре. Витя, как всегда, у аппарата — крутит ручку аллоскопа и переводит кадры. Все в порядке, сеанс начинается.

— А я тоже хочу крутить ручку, — говорит кто-то из «зала».

— И я хочу! Витя, дай мне ручку, — просит другой мальчик.

Я, затаив дыхание, смотрю на Витю. «Ну же, дай, не будь таким черствым! — без слов молю я его. — Посмотри, как им хочется самим показывать кино...» Но Витя не слышит моей мольбы.

— Вам нельзя крутить ручку, — деловито и категорически говорит он. — Испортите мой аппарат. Крутить должен я!

Дети больше не настаивают. Сеанс продолжается. И только у меня такое чувство, будто что-то тяжелое обрушилось на меня вдруг и придавило. Как ни жаль, но, видимо, права Елена Петровна, Витя действительно весьма эгоистичен. Раньше я не обратила бы особого внимания на этот эпизод, а сейчас он вдруг совсем по-иному представился мне. Я всегда радовалась тому, что Витя растет инициативным мальчиком, но только теперь разглядела и поняла, на что направлена его инициатива. Всего лишь на утверждение себя как командира. Так же, как в истории с уроком рисования. Так же, как во многих других случаях... Оказывается, уже в

таких мелочах очень ярко проявляется детский эгоизм. Наверняка и в детском саду Витя такой же индивидуалист. И нет ничего удивительного в том, что теперь никто не хочет с ним «водиться»...

И откуда только взялся в мальчике эгоизм? Ведь дома мы всегда стараемся внушать ему, как плохо быть эгоистом, себялюбцем. Сколько сказок прочли мы с ним на эту тему, сколько посмотрели детских передач по телевизору! А если иногда вдруг, не задумываясь, назовешь Витю эгоистом, он очень обижается. Как, он эгоист? Такой, о каких ему столько рассказывали? Витя не может смириться с этим. Нет, он не эгоист, он хороший... Но только слов и рассказов, видимо, мало. Одно дело — просто понимать, что быть эгоистом плохо, и совсем другое дело — перенести это понимание на собственную жизнь, особенно если тебе всего пять-шесть лет. Разве плохо, если тебе за столом дают самый вкусный кусочек? Это же приносит столько удовольствия. Разве плохо всегда выигрывать у ребят? Это приносит славу...

Вот ведь как иногда получается: ты всю душу вкладываешь в воспитание ребенка, стараешься вырастить его хорошим, добрым, человечным. И вдруг оказывается, что он растет эгоистом, себялюбцем, что уже сейчас его не любят в детском коллективе. Значит, что-то просмотрели. Беда в том, что очень часто детские проблемы представляются нам такими же маленькими, как наши дети, подчас мы и всерьез-то их не принимаем. А характер ребенка строится именно теперь, в самом младшем возрасте. Но понимать это начинаешь только тогда, когда гром уже грянет...

Маленькая беда спасает от большой. Теперь, задумавшись обо всем всерьез, я даже рада случившемуся. Оказывается, я сама и другие члены семьи виноваты в том, что в характере мальчика появился эгоизм. Виноваты хотя бы потому, что не задумались над тем, как по недомыслию ребенок может исказить даже то хорошее, что ты пытаешься привить ему. Взять хотя бы игрушки. Да, я много раз говорила сыну, что с игрушками надо обращаться бережно. Но, видимо, этого недостаточно, надо было как-то уточнить, что бережно вовсе не значит не давать их другим детям... А его вечное «яканье»? «Я», «Я», «мне»... Витя единственный ребенок в семье, и, наверное, закономерно, что ему уделяется очень много внимания. Конечно, каждый заметный сдвиг в его развитии, каждый понятый трудный рассказ или проявление смекалки вызывает массу комплиментов со стороны взрослых: «Ай да Витя!», «Какой ты умный мальчик!..» А Витя все это «наматывает на ус». И вот уже в его детском сознании твердо укореняется мысль, что он очень умный, способный, необыкновенный. Он хорошо усваивает, что заботы о нем стоят в семье на первом месте, и, конечно, начинает

считать это закономерным. «Тебе приятно, Витенька?», «Тебе хорошо, Витенька?» — беспокоятся всегда взрослые. И никогда никто не подскажет ему спросить в ответ, хорошо ли дедушке, бабушке, родителям. Ему же самому и в голову не придет такое. Все лучшее в семье, естественно, отдается ребенку, и, хотя мы стараемся делать это незаметно для него, все-таки иногда скрыть не удается. Отсюда и идет его ощущение себя каким-то особенным человеком. И постепенно простое детское «я хочу» или «я хороший» стало превращаться у сына в эгоизм.

...Конечно, сначала, под горячую руку после разговора с воспитательницей, мне очень хотелось как следует отругать сына. К счастью, я вовремя сдержала себя. Ну что толку его ругать, оскорблять, называть эгоистом? Он будет ревмя реветь и убеждать меня в том, что «никогда-приникогда» эгоистом он больше не будет. Но опять это будут только слова, пустые и невесомые, и мой выговор практически окажется совершенно бесполезным. Если даже не вредным: очень часто грубое и резкое слово или оскорбление лишь обижает и озлобляет ребенка. А главное, от одного выговора он все равно не перестанет быть эгоистом, потому что не умеет быть другим, не чувствует, что его собственные поступки эгоистичны. И виноваты в этом мы, взрослые, потому что не научили его заботиться и думать о ком-либо, кроме его собственной персоны.

Вон, оказывается, с чего нужно начинать перевоспитание ребенка — с перевоспитания себя...

Дома я всем рассказала о своем разговоре с воспитательницей, о наших общих ошибках, и мы решили, что будем все вместе перевоспитывать Витю.

И вот вечером мы садимся смотреть телевизор. Витя поспешно занимает самое лучшее место — в кресле. К этому давно привыкли. Конечно, маленький ребенок должен сидеть на самом удобном месте. Но так можем считать мы. А если и он так же думает, это уже плохо.

Рядом с Витей усаживается на стуле бабушка. Долго ерзает она на стуле, покряхтывая и делая вид, что ей очень неудобно.

— Ой, как неловко мне на стуле, — говорит она будто сама себе. — Жалко, что у нас нет другого кресла, как бы мне в нем удобно было...

Но мальчик не слышит, он занят только собой и передачей.

— Витя, пойди сюда на минутку! — зову я сына.

— Ну что, мама? — с недовольным видом поднимается он. — Ты же видишь, передача уже начинается...

— Посмотри, как бабушка сидит, — шепчу я ему на

ушко. — Она так устала за день, уступил бы ты ей свое местечко в кресле.

— Но ведь я всегда в кресле сижу, — возражает Витя.

— Вот и плохо. Никогда не посмотришь, удобно ли бабушке...

Может быть, он бы еще долго канючил, стоя возле меня. Но на экране уже видны первые фигуристки, и Витя спешит к телевизору.

— Ба, садись на мое место, — говорит он бабушке.

Говорит кисло, недовольно, вынужденно. Но бабушка словно не слышит этих ноток и оттенков и, поблагодарив Витю, садится в кресло.

А Витя с постной миной усаживается на стул. Вскоре он забывается, увлеченный красивой передачей. Но все же время от времени вдруг скажет:

— Ой, как плохо на стуле! В кресле лучше...

Но мы будто не слышим. И только бабушка то и дело скажет:

— Ай да Витя! Какой хороший мальчик, позаботился о бабушке.

Я вижу, как ей хочется встать и усадить Витю на прежнее место. Оказывается, и взрослым нелегко расставаться со своими привычками. Но она помнит наш уговор и не встает, а только знай себе похваливает «доброго» внука. И вот уже Витя не ворчит: как можно сердиться и высказывать недовольство, когда все слышат, что он такой добрый...

И я довольна. Наверное, так надо действовать и впредь. Ни в коем случае не давать проявляться Витиному эгоизму, приглушать его. Конечно, сразу ему трудно будет перестроиться, но если мы все время будем напоминать ему об этом, то обязательно добьемся своего, перевоспитаем мальчика.

Через несколько дней, праздничным вечером, муж принес домой красивый торт. В середине его словно распустилась большая роза из крема, а кругом рассыпались «опавшие» розовые лепестки.

И вот мы все за столом. Бабушка разливает чай, я разрезаю торт. Витя внимательно следит за моими движениями. Он давно привык, что лучший кусочек всегда отдают ему. Поставишь на стол молоко. «Все пенки отдайте мне!» — просит Витя. Даже не просит, а уже требует — по привычке. Принесешь виноград — Витя сам отберет себе лучшую веточку. И мы рады: пусть кушает на здоровье.

...Я нарезала первый ряд торта, второй. Добралась и до розочки.

— Мне, мне! — радуется Витя. — Спасибо, мамочка, я так и знал, что ты мне дашь этот кусочек...

— Почему тебе? —удивляюсь я. — Если бы ты был име-

нинником, тогда другое дело. А так.. Давай отдадим этот кусочек дедушке, все-таки он у нас самый старший.

— А мне какой же тогда? — чуть ли не сквозь слезы спрашивает поникший вдруг Витя. — Я так хотел эту розочку...

— А тебе дадим лепесток. Согласен?

Не очень-то он согласен. На лице явное недоумение, обида. Еще бы, так ведь никогда не делали. А тут словно все взбунтовались... Витя надулся и смотрит куда-то в чашку. Я чувствую, что ему очень обидно. С другого конца стола на меня укоризненно смотрит дедушка. Но я молчу, не иду на попятный: раз уж решили перевоспитывать мальчика, нужно быть твердыми.

— Перегибаешь ты, — с упреком говорит мне отец, как только Витя выходит из-за стола. — Так ничего не добьешься от него. Только обидела парня...

— Да, очень уж сурово, — соглашается и мама. — Мы тебя не так воспитали. Добрее что ли...

— Но как же быть? — возражаю я. — Тут добром не возьмешь, надо же переломить его характер.

— В том-то и дело, что нет, — говорит мама. — Как бы ты совсем не сломала парня таким резким переходом. Не туда ты гнешь. Обидится он на тебя, а понять не поймет. Ведь его эгоизм не на злобе держится, а на том, что он просто не привык думать о других.

— Но ведь сам он не поймет своих ошибок, — снова возражаю я маме. — Ему же помочь надо...

— Вот-вот, помочь, а не обижать. Ты учти, привычки у него уже стойкие, одним махом тут ничего не сделаешь. Пока выработаешь новые привычки, много воды утечет... Ведь ты должна научить его о людях заботиться. Чтобы он понял, как это приятно, чтобы радость от этого почувствовал. И не руби все время с плеча, а постепенно, понемножечку учи его...

Я чувствовала, что мама права, и я действительно переборщила. Наверное, вот так нужно перевоспитывать ребенка, не обижать и ущемлять его, а просто чаще давать ему чувствовать какую-то радость от его собственной доброты, от его заботливости...

На следующий день мы с Витей собрались идти в магазин. Оделись, взяли сумку. Уже в дверях вдруг слышим бабушкин голос:

— Не забудьте дедушке журнал «Огонек» купить. Слышишь, Витя? Мама может забыть, у нее много других покупок будет. Так ты напомни ей, ладно?

— Ладно, напомню, — согласился Витя.

Мы долго ходили по магазину, стояли в разных очередях. Конечно, я не забыла про журнал, но мне было очень интересно, вспомнит ли Витя.

— Ну вот, все купили, — сказала я наконец. — Теперь домой.

— Нет, не домой, — возразил мальчик. — Помнишь, что бабушка сказала? «Огонек» нужно купить. Пойдем теперь в газетный магазин.

— Ах, да! — спохватываюсь я, словно только сейчас, после Витиного напоминания, вспомнила о бабушкиной просьбе.

У киоска я достаю деньги для покупки журнала.

— Дай я куплю, — просит вдруг Витя. — Бабушка меня просила....

Я с улыбкой отдаю ему деньги. Получив журнал, Витя совсем по-взрослому берет его под мышку и дальше деловито шагает рядом со мной до нашего дома.

— Вот, не забыл купить! — сразу сообщает он дедушке, едва мы переступаем порог квартиры.

— Спасибо, Витенька, спасибо, мой заботливый мальчик, — ласково говорит дедушка.

Я вижу, как сияют гордостью Витины глазки. Не забыл, принес журнал, помог дедушке... Долго у него потом не спадает хорошее настроение. И я очень рада. Молодец мама, действительно верно подсказала мне, что именно радостью надо перевоспитывать сына, радостью от собственной доброты и заботливости. Даже однажды испытав это чувство, мальчик не забудет его. Ведь по натуре своей маленький ребенок очень добр, и именно плоды этой доброты, которые он сам будет ощущать, помогут ему глубже почувствовать, как хорошо быть именно не эгоистом, какое счастье и радость заботиться о ком-то...

А вскоре случилось вот что.

Мы с Витей возвращались домой с прогулки. У лифта с нами поравнялись соседский мальчик Слава и его мама. Я сразу заметила, что вид у обоих расстроенный.

— Что вы такие невеселые? — участливо спросила я.

— Да вот не успели краски купить, — грустно сказала Славина мама. — Завтра у него урок рисования, а я за делами совсем забыла про эти краски. Теперь двойку получит...

Витя, конечно, слышит разговор, но почти не реагирует. Его сейчас больше интересуют всякие гвоздики и гайки в лифте.

— Какая досада! — вздыхаю я. — Подумай, Витя, из-за красок Слава получит двойку...

Дома Витя не вспоминает про Славу, у него много своих дел. Но я не отступаюсь.

— Представляешь себе, завтра все ребята придут на урок с красками, будут рисовать картинки, а Славе придется просто так сидеть, — говорю я сыну.

— Бедный Слава! — соглашается со мной Витя.

— Учительница всем отметки поставит, — размышляю я вслух дальше. — Пятерки, четверки. А Славе двойку...

— Ой, что же делать? — озабоченно говорит Витя. — Может, они еще успеют в магазин сходить?

— Да нет, не успеют, уже восемь часов. Выручил бы ты Славу. У тебя ведь есть целая коробка красок...

Сын не сразу отвечает. По глазам вижу, какая-то борьба в нем идет. Но вот что-то решил. Идет к своему шкафчику, достает краски... Еще минуту-другую колеблется. И все-таки выходит на лестницу, стучится к соседям...

На следующий день вечером Слава с мамой заходят к нам.

— Витя, спасибо тебе за краски! — говорит счастливый Слава.

— Не получил двойку? — волнуется Витя.

— Нет-нет, я получил пятерку. Учительница сказала, что я хорошо нарисовал. Это из-за тебя, Витя. Вот, посмотри!

Слава протягивает Вите большой альбом, на первой странице которого плывет по голубым волнам огромный океанский лайнер. А в правом уголке красуется аккуратная пятерка.

— Молодец, Витенька! — хвалит моего сына и Славина мама. — Добрый ты мальчик, очень выручил Славу.

Витя смущенно улыбается, по щечкам разлился легкий румянец.

— Ты рад за Славу? — спрашиваю я сына.

— Очень! — от души говорит мальчик.

— Видишь, как хорошо быть добрым. И Славу выручил, и самому тебе приятно...

Да, вот оно, изумительное чувство счастья оттого, что ты доставил радость другому. Оказывается, это еще приятнее, чем заботиться только о себе. И я должна помочь мальчику не забыть это чувство, при каждой возможности стараться снова вызывать его в сыне. Причем не только в нашей домашней жизни, но и в его взаимоотношениях с товарищами. Например, купили ему конфет. «Угости ребят в детском саду, — должна подсказать я сыну. — Ведь им тоже хочется сладкого». Или подарили ему новую игрушку. «Покажи ее всем детям, — предложу я сыну. — Знаешь, как они будут рады!» И так всегда, при каждой возможности давать ему почувствовать, как приятно делать что-то хорошее людям. И тогда ребята в детском саду опять будут любить Витю, дружить с ним, и детский сад снова станет для него самым любимым местом, таким же, как родной дом. А это очень важно для всей жизни маленького ребенка.

Семья и детский сад... Два самых первых коллектива в жизни человека. От того, как ребенок воспитывается в семье, зависит и его жизнь в детском коллективе. Если он дома бу-

дет расти не эгоистом, а человеком добрым и заботливым, таким же он будет и среди друзей. Таким же будет и во взрослом коллективе — чутким, внимательным, добрым, щедрым душой.

Укол против кори

Раннее-раннее утро. Вчера весь день лил дождь, и сейчас земля не успела еще впитать в себя дождевые лужи. Осторожно перескакивая или обходя их стороной, я иду за водой к колонке. На всей нашей улице ни души. Взрослые уже в поле, а маленькие пока крепко спят, усыпленные вчерашним бесконечным дождем. Они еще и не подозревают, какое чудесное сегодня утро. Вчера, бедняжки, целый вечер просидели на одном месте, во дворе у девочки Наташи, под узенькой крышей для хранения дров...

Неожиданно в нескольких шагах передо мной вырастает маленькая фигурка. Узнаю ее сразу — Наташа. По-моему, она у здешних ребятишек за главную. Хорошая девочка, умница, и характером, видно, взяла. Правда, вчера нескладно у нас с ней вышло, и Наташа рассердилась на меня. Ну да ладно, дети быстро забывают свои неприятности...

— Здравствуй, Наташа! — приветливо, как ни в чем не бывало, здороваюсь я.

— Здрасьте! — очень тихо, потупив глаза, отвечает девочка.

Не успеваю я сказать еще и слова, как девочка вдруг резко поворачивается ко мне спиной и, втянув плечики, начинает быстро-быстро семенить к своему дому. В следующую минуту она уже скрывается за калиткой. А я, растерянная, стою среди улицы со своим ведром и, кажется, не могу сдвинуться с места. Стыд, гнев и какая-то неожиданная боль приковали меня к земле. Я мгновенно забыла, куда и зачем иду. Зато вчерашний инцидент вдруг ярко вспыхивает у меня в памяти и, как в кинозале, кадр за кадром снова проходит перед глазами.

Итак, шел дождь и дети играли у Наташи. Их было человек семь. На импровизированном столике из поленьев стоял готовый «обед»: «щи» из подорожника и «котлетки» из мокрого песка. У «стола» суетилась «мать семейства» Наташа. А дочки и сыновья, в том числе и мой Витя, мыли руки перед «обедом» в ближайшей луже. Вместо того чтобы быстро вымыть их и поспешить за стол, дети, как это всегда бывает, баловались: бегали по луже в резиновых сапожках. «Мама» Наташа несколько раз строго прикрикнула на них, и все отправились к столу. Только Витя продолжал бало-

ваться и мокнуть под дождем. И тогда, рассердившись, «мама» Наташа сделала то, что делают многие мамы в реальной жизни: она взяла «ремень» — клеенчатый поясок от плаща — и отправилась к луже. Раз! — и Витя получил первый ремень. Два! — еще один. «Будешь знать, как баловаться, — деловито приговаривала «мама». — А ну быстро за стол! Все заждались тебя...»

Но к великой ее неожиданности, «сынок» Витя вдруг серьезно разревелся и побежал не «за стол», а к настоящей своей маме, то есть ко мне. И ревел он так громко и внушительно, что я не на шутку испугалась.

— Она... она бьет меня, ремнем... — всхлипывая, начал жаловаться сын. — Противная девчонка!

Я, конечно, возмутилась. А когда узнала, что эта «она» — Наташа, рассердилась пуще прежнего и вместе с Витей отправилась к детям ругать девочку.

И вот мы под дровяной крышей. Наташа, растерянная и смущенная, стоит передо мной, а я, очень здорово ощущая в эту минуту перевес сил на своей стороне, громко отчитываю девочку.

— Я же по-нарочному била его, — говорит сквозь слезы Наташа. — Мы играли, я была мама, а он не слушался...

— Вот и не по-нарочному, — перебивает ее Витя. — Мне знаешь как больно было!

Остальные ребята молчат: не их били, откуда им знать, больно это было или нет.

Инцидент заканчивается моим выговором. Прочитав Наташе небольшое наставление о том, как нужно играть с детьми, я ухожу домой с чувством исполненного долга, и Витя гордо вышагивает за мной, очень похожий на молодого петушка, выигравшего сражение. А Наташа, пристыженная, униженная моим публичным выговором, долго стоит среди своей «комнаты» у накрытого «стола» и грустно смотрит мне вслед. Но я ухожу с сознанием полной своей правоты: всякая мать должна защищать свое дитя, и я свое защитила...

А теперь, утром, кажется, наступила моя очередь растерянно стоять среди деревни и мучительно вспоминать вчерашний день. Только теперь дошло до меня все, что я наделала вчера. Если бы Наташа вышла сейчас из-за своей калитки, чтобы поговорить со мной, я бы, может, нашла нужные слова — раскаивающийся умнее. Но она горда, эта маленькая «мама» Наташа и она уже умеет постоять за себя. А вот мне долго придется мучиться угрызениями совести. Как же так — отчитать, отругать, не вникнув в причины и мотивы детского поступка? Мое кровное, видите ли, обидели. А обидели ли? Конечно, можно много говорить о том, как вредно бить детей и как плохо, что к этому прибегает маленькая «мама» Наташа — видимо, она копирует свою

жизнь. Но все это сейчас отступает в сторону перед моим бестактным поступком по отношению к девочке. Ведь это была детская игра, и мне, взрослой, настоящей маме, наверное, лучше всего было бы вообще не вмешиваться в нее. Ну поревел бы мой Витя, а потом бы, наверное, признал определенную правоту своей маленькой «мамы»: родителей надо слушаться. Она же заботилась о нем, чтобы он был послушным, а не разболтанным, чтобы не простудился под дождем. Удивительно, сколько истинной материнской заботы проявила маленькая девочка и как нетактично, необдуманно, даже неуклюже поступила я, взрослый человек, настоящая мать.

Может быть, не стоило бы писать об этом эпизоде так подробно, если он не был таким типичным. Хорошо еще, что я раскаиваюсь, понимаю свою грубую ошибку. Но куда чаще мы, взрослые, проявляем удивительную слепоту, когда выступаем судьями детских поступков. Слепоту, глухоту и полнейшее непонимание детской души, детских мыслей и переживаний. Как часто, например, ругаем ребенка за разлитую по полу воду, когда он старался помочь нам вымыть пол. Как часто наказываем за разбитый стакан, когда ребенок хотел вымыть посуду. А сколько мы наказываем детей за то, что они причиняют нам те или иные беспокойства, и не задумываемся о мотивах и причинах их поступков... И всегда у нас есть целая броня всевозможных причин, которые не дали нам вовремя и быстро вникнуть в поступок ребенка, причин, таким образом, оправдывающих нашу несправедливость, нашу педагогическую бестактность. И что самое, наверное, странное — при этом мы почти всегда ссылаемся на то, что пеклись и заботились о благе детей.

На всю жизнь врезался мне в память один маленький эпизод из собственного детства. Мне тогда было шесть лет, я ходила в старшую группу детского сада. Сад я очень любила, потому что у меня там было много друзей. А больше всего потому, что там была удивительная воспитательница Анна Васильевна. Какая она была добрая и хорошая! Я не помню, чтобы она когда-нибудь кричала на нас. Наоборот, говорила только мягко и ласково. Она всегда расспрашивала ребят про дом, про близких, и мы охотно рассказывали ей обо всем. Если заметит, что кто-то пришел в детский сад грустный, Анна Васильевна обязательно разузнает в чем дело, отвлечет, развеселит ребенка забавной игрой или хорошей сказкой. На языке взрослых все это называется «чуткая», «внимательная», «заботливая». Мы, конечно, не знали всех этих слов, но Анна Васильевна и без них казалась нам необыкновенной, солнечной, доброй феей, сошедшей в наш детский сад со страниц волшебных сказок. Ее любили все, а я как-то особенно. Помню, моей самой большой мечтой было, чтобы Анна Васильевна переселилась к нам

жить. И если бы не тот эпизод, о котором я хочу рассказать, наверное, таким бы божеством и осталась для меня Анна Васильевна навсегда.

Как-то раз, когда мы по обыкновению играли в группе после завтрака, зашла наш детсадовский врач и сказала воспитательнице, чтобы нас построили и повели в медицинский кабинет — будут делать прививки против кори. А я, примерно за полгода до этого, уже переболела тяжелой формой кори и, по объяснению мамы, знала, что болезнь у меня больше не повторится.

— Можно я не пойду? — спросила я у Анны Васильевны. — Я же болела, мне не нужно делать укол.

— Встань в строй, там разберемся, — сказала мне воспитательница.

Притихшие и испуганные, шли мы гуськом по коридору в сторону медкабинета.

Вызывали детей по одному. Врач и медсестра делали укол, а Анна Васильевна стояла рядом, уговаривала малышей не плакать и, как только укол был сделан, она тут же давала каждому ребенку шоколадную конфету. Но тем не менее из кабинета то и дело доносился громкий рев, из чего следовало, что ни конфеты, ни увещевания на ребят не действовали и что укол болезненный.

Когда подошла моя очередь, я довольно храбро вошла в кабинет в полной уверенности, что мне не сделают укол. Я с надеждой посмотрела на врача, ожидая, что мне сейчас предложат идти обратно. Ведь Анна Васильевна рассказала про меня...

Но вместо этого Анна Васильевна вдруг недовольно посмотрела на меня.

— Не задерживай врача, раздевайся, — строго сказала она и сама принялась раздевать меня.

Помню, я стала отчаянно сопротивляться и громко реветь от страха. Обеими руками я вцепилась в рукав халата Анны Васильевны и старалась вырваться и убежать.

— Ишь, какая противная девчонка! — возмутилась Анна Васильевна. — Доктор, сделайте-ка ей укол побольнее! И конфетку ей не дадим, чтобы знала, как безобразничать...

В ту же секунду острая игла вонзилась мне в тело. Наверное, и всем детям было так же больно, но я была твердо уверена, что мне, действительно, сделали самый больной укол...

В тот вечер, когда в нашей спальне погасили свет и все малыши крепко заснули, я зарылась с головой под одеяло и долго-долго, горько-горько плакала. Теперь, став взрослой, я понимаю, что плакала не из-за укола и конфетки, а от обиды за несправедливость. Как могла Анна Васильевна забыть о моей просьбе? Почему она вдруг оказалась такой же-

стокой? В тот день навсегда ушла из моей жизни сказочно-настоящая фея Анна Васильевна. И не просто ушла, а унесла из моей детской жизни что-то очень светлое.

...Вроде бы такие разные эпизоды — мой инцидент с девочкой Наташей и это воспоминание детства. Но разные они лишь внешне. Речь идет об одном и том же: о том, как мы, взрослые, родители, воспитатели и даже просто посторонние люди, далеко не всегда умеем по-настоящему вникнуть в детскую психику, в детские мысли и чувства, как своим нелепым словом или поступком, даже просто своей невнимательностью мы можем заронить в детское сердце неверие в справедливость взрослых. За что обидела я Наташу? В итоге — за ее заботу о моем же сыне. За что попало мне от Анны Васильевны? В конечном счете, за ее же собственную невнимательность.

Конечно, мы всегда заняты важными делами, мы устаем от хлопот и работы, и нам не под силу глубоко анализировать каждый детский поступок. И, конечно, далеко не все из нас обладают нужным педагогическим тактом — я уж не говорю знаниями, чтобы к любому моменту детской жизни отнеситься вдумчиво. Но эти «смягчающие обстоятельства» все равно не смягчают нашей вины. Тем более потому, что вечная ссылка на занятость и усталость часто лишь ширма, прикрывающая большой порок взрослых — неумение и нежелание всерьез относиться к детским проблемам не менее важным, чем наши, взрослые. Отругать, наказать, отшлепать — все это куда проще и привычнее, чем задуматься. Но чему же тогда удивляться, если едва оперившиеся наши птенцы подчас так строго и метко критикуют нас, своих родителей, воспитателей, просто старших?

Когда я слышу эти вечные ссылки на занятость и на то, что некогда было серьезно подумать о каком-то детском поступке, мне всегда вспоминается, как воспитывала нас мама. Большая семья, много детей. У соседей и знакомых всегда на устах один и тот же вопрос маме: как вы справляетесь с ними? А мне, взрослой, хочется задать ей другой вопрос: как могла и может она быть всегда удивительно чуткой, проницательной по отношению к каждому из нас, своих детей? Почему она никогда не отмахивалась и не отмахивается волшебной палочкой под названием «некогда», которая так легко избавляет взрослых от серьезных размышлений и забот о сложностях детской жизни? Уж кому-кому, а маме всегда было очень некогда. Я не знаю, когда она спала — столько было у нее забот о своей большой семье. И все же заботы эти всегда существовали и существуют у нее сами по себе, а способность очень тонко понимать детские дела и проблемы — сама по себе. И это ее внимание к детям никогда не заслоняют бытовые трудности и вечная занятость.

Однажды, когда мне было лет семь, мы с мамой пошли в магазин. Народу было очень много, и мы тоже встали в очередь. Но тут мама вспомнила, что сумку с деньгами оставила дома. «Пойди домой, принеси сумку, — сказала она мне. — Сама бы сходила, да боюсь, ты не то возьмешь». Я стремглав бросилась домой.

Минут через десять я снова вошла в магазин. В руках у меня была старая мамина сумка. Замок работал плохо, и сумка то и дело открывалась. Но я крепко прижимала ее к себе. Мы, дети военных лет, рано узнали нужду, цену копейке, и я прекрасно понимала, что деньги, которые лежат в сумке, рассчитаны надолго.

Пока я ходила, очередь сильно продвинулась вперед, и мамы нигде не было. Поискав ее глазами, я стала волноваться, и, наверное, мое внимание к сумке ослабло. Помню, что пока я пробиралась сквозь толпу, рядом оказался высокий парень. Он старательно отталкивал меня назад, и я поневоле пятилась. Потом он куда-то исчез, и я тут же про него забыла. Тем более потому, что увидела маму, которая стояла у самого прилавка и вместе с продавцом подсчитывала, на сколько потянул большой черный сом.

У кассы мама раскрыла сумку. «Что ты принесла? — удивленно вскрикнула она. — Куда девались деньги?». Я испуганно посмотрела в сумку — там не было ни рубля...

Мама долго перетряхивала сумку — денег не было. Я расплакалась: жаль было денег и боялась, попадет от мамы. Было нестерпимо обидно: я так хотела помочь маме, а получилось наоборот...

— Пойдем домой, — вздохнув, сказала мама. — Что ж поделаешь, такое со всяким может случиться...

Помню, я шла домой, совершенно сраженная этой добротой. Какая волна преданности, любви, признательности захлестывала меня! Милая мама, я и по сей день благодарна ей за то, что она все поняла тогда. Она знала, что я не растрепа, что это случайность. Она видела мои переживания и поняла, что и без ее выговора мне очень плохо, что моих собственных угрызений совести с лихвой хватит в качестве наказания. А ведь другая могла бы и отругать, и даже наказать за эту невольную провинность...

...Вот бы мне вспомнить этот эпизод вчера, когда я отчитывала Наташу! Насколько лучше было бы не срываться вчера с места в защиту «обиженного» сына, а хоть несколько секунд потратить на обдумывание того, что он рассказал мне. На объективное, честное, справедливое обдумывание. Как бы выиграли от этого все мы: Наташа, мой сын и я...

К детской жизни, к детской душе нужно относиться очень бережно, всегда вдумываться, какие причины послужили поводом поступка ребенка. Неправильным своим подходом, как,

например, в первых двух эпизодах, мы наносим большой ущерб своему авторитету у детей, подрываем их веру в себя. Чем больше любят нас и доверяют нам дети, тем страшнее бывает их разочарование при подобных наших поступках. Что вынесет, а значит, возьмет с собой в свой большой жизненный путь ребенок из таких наших оплошностей? Разве случайно больше двадцати лет помнится мне тот эпизод с Анной Васильевной? И кто знает, сколько лет простоит в памяти гордой девочки Наташи мой несправедливый поступок?..

Поговорка «семь раз отмерь — один отрежь» стара, как мир, но остается вечно мудрой. В воспитательной работе она применима, пожалуй, как нигде. Под воспитательной работой я имею в виду любое наше общение с детьми, ибо хотим мы того или нет, при любом контакте с детьми мы воспитываем их. Своими поступками, своими делами, пониманием их психики и поступков. Мне очень неловко за свою необъективность по отношению к Наташе, за свою душевную неуклюжесть. Но вместе с тем я рада, что так случилось: иногда нашими лучшими учителями являются дети. Этот инцидент послужит мне хорошим уроком, потому что он еще раз приоткрыл мне дверцу в глубокий и серьезный мир детской души. Мне очень хочется сказать себе и всем другим мамам, у которых еще нет большого и надежного материнского опыта: чем больше мы будем задумываться над поступками и даже проказами детей, тем лучше воспитаем их.

Чужая тайна

— Витя, что с тобой? — спросила я однажды своего шестилетнего сына, заметив, что он очень грустный. — У тебя что-нибудь болит?

Сын покачал головой.

— Мы с Алешей и Таней поссорились, — объяснил он. — Алешка говорит, что я предатель, потому что я все про них рассказал Таниной маме.

Мы разговорились, и я узнала, что в этот день Витин дружок Алеша, тоже шестилетний мальчик, и пятилетняя Таня, наша соседка, ходили на речку. Витя уговаривал их не ходить, потому что на реке опасно — он не раз слышал, что ходить туда одним детям, без взрослых, нельзя. Но дети не послушали его и пошли. Маленькая Таня оступилась и провалилась одной ногой в воду. Отделались легким испугом, Таня только намочила ноги. А могло быть, конечно, и хуже...

— Я сначала не хотел ничего говорить Таниной маме, а они сказали, что в воскресенье опять пойдут. А вдруг Таня утонет? Вот я и сказал ее маме. А Алешка говорит, что

я предатель... Мама, разве я плохо поступил? — со слезой в голосе спросил Витя. — Ведь предатели же все врагу рассказывают, а я Таниной маме...

— И все-таки ты не совсем красиво поступил, — сказала я сыну. — Конечно, ребята зря ходили на речку, там опасно. Но ведь они просили тебя никому ничего не говорить, а ты побежал выдавать их тайну. Не так надо было делать...

Витя густо покраснел.

— Значит, и ты за Алешку? — крикнул он. — Ну и пусть. А я все равно не предатель, все равно...

На этом наш с Витей разговор закончился. Но весь день он ходил по дому грустный. Я видела, что в нем идет какая-то борьба. По некоторым его репликам я чувствовала, что он уже сожалеет о своем поступке, что задумавшись о нем, сам почувствовал: есть какая-то червоточина в том, что казалось ему благородным и правильным. Может быть, мне и нужно было отвлечь Витино внимание на что-то другое, ибо эта тема еще сложна для него? Но мне казалось, не надо слишком поспешно отвлекать его: ведь мальчик впервые в жизни столкнулся с такими сложными вещами. Через несколько месяцев он пойдет в школу, в новый коллектив, где очень многое будет зависеть от его взаимоотношений с товарищами. А ведь ребята не терпят тех, кто спешит, пусть даже из добрых побуждений, выдать взрослым какие-то их секреты. Пусть Витя, думала я, уже сейчас задумается о том, имеет ли человек моральное право раскрыть чужую тайну. Грустную, неблаговидную, страшную — по-детски говоря, плохую тайну. Раскрыть не просто за тем, чтобы облегчить свою душу, наподобие цирюльника царя Мидаса с ослиными ушами из известной детской сказки, а за тем, чтобы помочь человеку, иногда даже спасти его...

Когда вечером все взрослые дома узнали о Витином происшествии и моем разговоре с ним, мнения разделились. Муж поддержал меня. «Конечно, если он всегда так будет делать, ничего хорошего не получится, — сказал он. — Доносчиком вырастет...». Но дедушка с бабушкой стали нас осуждать. Мама долго объясняла мне, что я своим резким подходом в итоге наказала Витю за то, что он проявил такую серьезную заботу о девочке. А кроме того, если я всегда буду только осуждать его за подобные поступки, сказала мама, то ни к чему хорошему это не приведет. Мало ли какие бывают в жизни случаи? Иногда у мальчишек бывают такие тайны, что не сделай ты ее вовремя явной, дойдет до большой беды. Что же ему, спокойно скрывать то, что он знает, и дать своим товарищам попасть в беду?..

...Витя уже давно видел десятый сон, а мы, взрослые, все сидели за столом и спорили, кто же из нас прав и что должна была я сказать Вите. И пока сидели, вспомнили мы

одну очень грустную историю, которая случилась у нас в доме несколько лет тому назад. Четырнадцатилетний парень Сережа оказался затянутым в воровскую шайку — сначала увлекся смелостью старших ребят, постоянным риском, на который они шли без страха. Потом сыграл роль и материальный стимул. А тут еще добавились домашние неприятности — плохие взаимоотношения с отчимом. Парень неглупый, быстро спохватился, что попал в беду. Но рассказать о своих новых приятелях, хотя бы дома, не решился. Потом эту тайну раскрыли следствие и суд — ребята попались на квартирной краже. И сколько ни расспрашивали Сережу, как он мог умолчать о такой беде, ответ был один: не мог выдать товарищей, не хотел быть предателем.

...Да, с трудной проблемой столкнулся мой Витя. Может быть, и можно несколько отодвинуть ее — успеет еще, пусть вырастет сначала. Но это «страусова политика». Вырасти-то вырастет, но раз он уже сейчас задумался о таких вещах, сейчас и надо искать вместе с ним решение этой проблемы. Как направить его, что подсказать? Дети часто судят о поступке взрослых или своих товарищей по чисто внешнему эффекту — так судили Алеша и Таня Витин поступок. Так, оказывается, судила о нем и я, далеко не ребенок. Права мама, не надо было так резко огорошивать Витю. Но, с другой стороны, только поддержи его, он и в другом случае, и в третьем поступит так же. Вот и готовый наушник, может быть, и сплетник... Оказывается, и взрослым не так-то легко разобраться в подобной истории, что уж говорить о детях?

Если бы я пыталась анализировать характер Сережи, понять, почему он, умный парень, поняв, в какую историю попал, не нашел в себе сил и мужества сознаться, то я бы искала причину в самых истоках. Конечно, поздно упрекать Сережиных родителей, но я знаю эту семью и могу с уверенностью сказать, что все-таки Сереже маловато уделяли внимания. Просто не задумывались о его характере, о том, каким человеком он растет. Больше следили за внешним благополучием Сережиной жизни: парень здоров, одет и обут не хуже других, учится сносно, чего же еще? Так и сформировались помимо родителей взгляды сына, его характер, душа. Наверное, и в его жизни был когда-то такой момент, когда он впервые задумался о том, что такое товарищество, как нужно относиться к друзьям, о том, что действительно благородно, а что благородно только по форме. И, наверное, родители махом отвели в сторону все сомнения и вопросы Сережи, не задумавшись о том, как они важны для мальчика. И такое недопонимание детской души, детского характера, такое упрощение и облегчение некоторых сложностей детской жизни очень типично. Тем это и страшнее, потому что речь идет о

становлении характера человека, о строительстве его личности.

У нас в семье вроде бы все не так: как будто, мы много заботимся о духовном, нравственом мире мальчика, много читаем ему книг о разных трудных ситуациях, когда человек, подобно Ивану-царевичу, оказывается в жизни на распутье и как важно выбрать именно правильную дорогу. Но вот, оказывается, и я сделала большой промах — буквально погасила в нем огонь добрых побуждений, желание не допустить чужую беду. Не натолкнула ли я его сегодня на какие-то ложные выводы?

Честно говоря, я немного растерялась. Даже если мама права, критикуя меня, все-таки не могу я внушать сыну, что нужно было поступить только так, как поступил он, то есть пойти и выдать ребят. Как бы мы того ни желали, нельзя не считаться с особенностями детской психики, с тем, как свято чтится среди мальчишек чувство товарищества. Если не считаться с этим, можно исковеркать всю душу мальчишки, всю его психику. Наверное, принцип «цель оправдывает средства» очень нуждается в некотором уточнении. Древний царь Пирр, как известно, добился победы, но какой ценой... К такому итогу может привести воспитание ребенка, если удариться в крайность, если все время толкать его по одному пути: иди, сообщай, выдавай во имя спасения. Донести нетрудно, но какой отпечаток наложит этот поступок на душу парня, на все его развитие?..

Одна знакомая учительница рассказывала мне очень интересную историю. Речь шла о семье ее ученика. Мать, отец, восьмилетний мальчик и бабушка. Обыкновенная семья, каких у нас тысячи. Бабушка уже очень пожилая. В последнее время живет эта бабушка в семье несколько особняком, больше созерцанием, нежели заботами семьи — слишком стара и немощна стала. Молчаливая бабушка единственный компаньон мальчика Юры в дневные часы, когда родители на работе.

И вот однажды днем, когда бабушка по обыкновению подремывала на диване, а Юра, как она думала, делает свои школьные уроки, в коридоре послышался какой-то шорох. Сначала бабушка не обратила на него внимания. Но тут раздался слабый звон, словно упала на пол монета... Испугавшись, что в квартиру залезли воры, бабушка поднялась с кушетки и неслышно направилась в коридор. А там, в коридоре, ее внучек Юра, озираясь, суетливо шарил по карманам всех пальто на вешалке...

И тут, словно стряхнув с себя всю тяжесть прожитых лет, бабушка подошла к внуку и схватила его за шиворот...

Долго просидел в тот день перед судьей-бабушкой нашкодивший внук Юра. Сидел, виновато опустив голову, каясь,

что уже не в первый раз, а в третий или четвертый делает так — всякий раз, как соберутся с ребятами в кино. Бабушка, словно настоящий прокурор, всю душу вытряхнула из него, во всем заставила признаться.

А дальше началось самое трудное. Уж как только ни просил Юра бабушку ни о чем не рассказывать родителям, чем только ни клялся, что такое никогда больше в его жизни не повторится!.. Наверное, большинство бабушек на ее месте все-таки рассказали бы родителям — слишком большая это ответственность брать на себя вину внука. А вдруг он не оправдает доверия, нарушит свое слово? Тебя же, бабушку, и упрекнут тогда... Но Юрина бабушка поступила иначе: и в заговор с ним не вступила, и родителям его не выдала. Она сумела внушить парню, что он сам должен пойти к родителям с повинной головой и все рассказать. Решился парень, пошел... И хотя горько сетовали и переживали родители, все же по достоинству оценили мужество сына.

А главное, этим поступком бабушка внесла что-то новое и очень важное в развитие характера мальчика. Выдай она его — может быть, неизгладимый ущерб нанесла бы парню. Вступи с ним в заговор — кто знает, надолго ли хватило бы его слова. Бабушка поступила очень тактично и умно, никакого озлобления у внука не вызвала, нашла, что называется, ключ к его душе, дала самому глубоко прочувствовать, на какой низкий поступок он решился. Она сумела вызвать в нем настоящее раскаяние, а это лучший путь к исправлению.

...Мы привыкли думать, что детское мышление очень конкретно, что ребенку всегда нужен только однозначный ответ: хорошо или плохо, черно или бело, красиво или некрасиво. Мне кажется, в этом кроется наша ошибка, мы сами предельно упрощаем многие воспитательные проблемы, а потому часто не можем найти правильное решение и разъяснить его ребенку. А потом удивляемся неожиданным результатам своего воспитательного воздействия на детей: мы-то старались, объясняли, как можно, а эффект получился обратный...

В наше время все отмечают, что дети стали развиваться чрезвычайно быстро и всесторонне, что детский ум созревает гораздо раньше, чем еще десять-пятнадцать лет тому назад. И потому уже шести-семилетнему можно разъяснить, что тайна тайне рознь, что иногда раскрыть чужую тайну действительно значит стать сплетником, а то и доносчиком, но вместе с тем иногда во имя спасения человека действительно необходимо сделать явной его тайну. Но вот способы могут быть разные. Чем тактичнее и умнее это сделаешь, тем больше выиграешь сам и большую пользу принесешь тому, ради кого шел на этот шаг. Какие-то зачатки такого понимания, а не упрощенческого — белое или черное — можно вну-

шать ребенку уже в раннем детстве. Наверное, и мне надо было бы рассказать сыну этот эпизод или какой-то подобный. Он бы сам понял, как умно поступила Юрина бабушка, сам сравнил бы свой поступок и ее, сделал какие-то выводы о том, в чем он прав, а в чем и не совсем...

Конечно, по-настоящему Витя столкнется с этой проблемой позже, уже в школе. У меня будут тогда хорошие помощники — учителя, которые на уроках и вне уроков сумеют многое разъяснить ему. Но все-таки самое большое влияние имею на сына я, мать, семья, где он растет, то, что он каждый день слышит и впитывает в себя дома. И особенно важно это мое материнское слово сейчас, пока Витя еще сравнительно мал и, как губка, впитывает все, что мы внушаем ему.

СОДЕРЖАНИЕ

Наталия БЕРЕЗИНА

У МЕНЯ РАСТЕТ СЫН...

Редактор *О. Г. Свердлова*
Худож. редактор *Т. И. Добровольнова*
Техн. редактор *Т. В. Филиппенкова*
Художник *М. Турецкая*
Корректор *Г. П. Жендарева*

А04877. Сдано в набор 29.VI.1970. Подписано к печати 11.VIII.1970 г. Формат бумаги 60×90[1]/[16]. Бумага типографская № 3. Бум. л. 2,0. Печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 3,8. Тираж 2-го завода 255 000 экз. (112 001—367 000). Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ № 2099. Отпечатано с матриц типографии изд-ва «Знание» на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25.
Цена 12 коп.

12 коп.

Индекс
70062

Уважаемые товарищи!

Вы только что прочли книгу Н. Березиной «У меня растет сын...». Напоминаем Вам, что эта книга вышла в подписной серии «Народный Университет. Педагогический факультет». Следующие книги этой серии вы сможете получать на дом, подписавшись в любом отделении связи или у общественных распространителей печати. Книги серии расскажут о воспитании детей в семье, о сложном и увлекательном мире, в котором живут наши дети. С читателями будут беседовать видные советские педагоги, писатели, врачи, психологи и родители.

СРЕДИ 12 КНИГ 1971 ГОДА ЧИТАТЕЛИ ПОЛУЧАТ СЛЕДУЮЩИЕ:

Б. Л. Леонидова. **Каждый день (о взаимоотношениях в семье).**

А. М. Низова. **Великий педагог — Природа.**

Л. С. Очаковская. **Трудно быть взрослым.**

Популярная физиология для родителей.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 1 РУБ. 80 КОП. В СЕРИИ ВЫХОДИТ ОДНА КНИГА В МЕСЯЦ. ИНДЕКС СЕРИИ В КАТАЛОГЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» — 70062.

Издательство «Знание»